

Дорогами победителей

75 лет ПОБЕДЫ
в Великой Отечественной войне

Литературный конкурс

2020

Литературный конкурс «Дорогами победителей»

Специальное издание произведений ветеранов Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области – номинантов литературного конкурса «Дорогами победителей». Совет ветеранов Управления тайным голосованием выберет лауреатов из числа номинантов и объявит их имена на торжественной церемонии, приуроченной к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Положение

о литературном конкурсе ветеранов Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области «Дорогами победителей», посвященном 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

Цель конкурса:

поиск авторов – ветеранов Управления, которые своими творческими достижениями способны внести вклад в сохранение памяти о подвиге советского народа в сражениях на фронтах Великой Отечественной войны, тружениках тыла, о послевоенном периоде жизни и служении Отечеству сотрудников органов государственной безопасности страны. Изданный альманах планируется использовать в работе по патриотическому воспитанию молодого поколения России.

Конкурс проходит в три этапа:

– на первом этапе редакционная комиссия из состава Совета ветеранов Управления (Гусев В.С. – председатель, Адаменко Ю.П. – зам. председателя, Аксенов О.П., Бернев С.К., Груздев В.Н., Романов А.И.) определяет участников, произведения которых включены в конкурсный альманах;

– на втором этапе комиссия определяет финалистов из числа участников;

– на третьем этапе члены президиума Совета ветеранов Управления совместно с первичными ветеранскими организациями тайным голосованием до 20 апреля выбирают лауреатов из числа финалистов и объявляют их имена на торжественной церемонии, приуроченной к 75-летию Победы советского народа. Символ премии – Золотое перо на фоне эмблемы Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Все участники награждаются дипломом и печатным изданием (альманахом) с конкурсными произведениями.

По результатам проделанной работы предлагается продолжить мероприятия по привлечению ветеранов к участию в творческих литературных конкурсах, результаты которых будут подводиться в День работника органов безопасности Российской Федерации.

На конкурс принимаются работы авторов в виде стихов, песен, коротких рассказов по следующим темам:

– о Победе наших отцов и дедов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.;

– о патриотизме, верности долгу, о чести и достоинстве чекистов и их делах;

– лирические произведения, раскрывающие лучшие качества человека, воина, патриота нашей Родины.

Авторские работы направляются руководителями первичных ветеранских организаций в редакционную комиссию конкурса.

Совет ветеранов Управления

Дорогие читатели!

Совет ветеранов Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в ходе подготовки к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне осуществляет новый проект: литературный конкурс «Дорогами победителей». Положение о конкурсе было разработано президиумом Совета и опубликовано на нашем сайте: www.veteran-fsb.ru.

Цель конкурса: поиск авторов – ветеранов Управления, которые своими творческими достижениями способны внести вклад в сохранение памяти о подвиге советского народа в сражениях на фронтах Великой Отечественной войны, тружениках тыла, о послевоенном периоде жизни и служении Отечеству сотрудников государственной безопасности страны. Изданные произведения планируется использовать в работе по патриотическому воспитанию молодого поколения России.

Нужно подчеркнуть, что объявленный конкурс вызвал живой отклик в ветеранской организации. Жюри конкурса было приятно удивлено как количеством заявленных участников, так и качеством присланных на конкурс произведений. Многих людей, которых мы знали как опытных профессионалов, мы открыли для себя с неожиданной стороны как творческих, тонко чувствующих время и жизнь личностей. И хотя подведение итогов еще впереди, можно сказать, что конкурс удался.

В наших планах обратиться и к другим способностям наших ветеранов: возможно проведение конкурсов живописных и фоторабот и др.

Пожелаем всем участникам творческих успехов!

Председатель Совета ветеранов УФСБ России
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
генерал – лейтенант запаса В.С. Гусев

Адаменко Юрий Петрович

Родился в 1947 году в Ленинграде.

Окончил Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова (Ленина), Высшую экономическую школу при Санкт-Петербургском университете экономики и финансов. Полковник в отставке.

Припомни, кто ты есть

(песня)

Припомни, кто ты есть
И кто там за тобой,
Когда на карту честь
Поставлена судьбой

Припев: Припомни, кто твои друзья,
Припомни, где твоя семья,
Отечество нам Русская земля!

Припомни, как молва
Стучит в седой висок
И мамины слова:
«Одумайся сынок»

Припев: Припомни, кто твои друзья,
Припомни, где твоя семья,
Отечество нам Русская земля!

«Андрей» не осветил
Мундир твой голубой,
Но Ангел охранил
От кровушки людской

Припев: Припомни, кто твои друзья,
Припомни, где твоя семья,
Отечество нам Русская земля!

Ветеранам

Парад Победы - это радость,
Пусть со слезами на глазах,
А сантименты - это старость
И грусть в седеющих висках.
Парад любви, отнюдь не вечен,
Её не удержать в руках,
Закат любви слезой отмечен
В ещё пылающих глазах.
Любовь нас радугой встречает,
Слезой умытой в небесах,
И в путь последний провожает
Дугой печали на устах.

Мне в радость жить

Что нужно в жизни, скажем, мне?
Отвечу, — знаю не вполне,
Как удержаться на волне,
При том, не изменить себе...
И всё же, если и скатиться,
То русским духом укрепиться
В Сибири, там на Колыме
Во глубине, во глубине.
Что стоят угли эполет,
Видения былых побед,
Хоть раз нарушенный обет,
В конце туннеля тусклый свет...
И всё же, надо помолясь,
Не разрывая с прошлым связь,
Священный дочитать Завет
На склоне лет, на склоне лет.
Что скажут старые друзья?
Жизнь, вроде, прожита не зря,
Благополучная семья,
Что есть, того просить нельзя...
И всё же, веря в светлый Рай,
Хочу вернуться в Первомай,
Стараюсь выплеснуть себя
Из пены дня, из пены дня.

Что было, есть, тому и быть.
Судьбу попробуй изменить,
Обиды прошлые забыть,
И в меру есть, и в меру пить...
И всё же воля, сила, честь,
Дорог и встреч не перечесть.
Хоть всех проблем и не решить,
Мне в радость жить, мне в радость жить!

На пути к блаженству...

Юрка родился в Ленинграде, в начале сентября второго послевоенного года, в старинном доме № 30 на набережной реки Карповки, которая течёт по Петроградской стороне. Напротив, стояло величественное здание – Иоановского монастыря. Тогда в нём размещалось какое-то предприятие. Маленький мальчик, который называл себя Юлечкой Адамичкой, помнил, как дядя Вася водил его гулять в сквер около теперешнего женского монастыря. Мальчику казалось, что решётка сквера сделана из больших черных чудовищ. Потом он узнал, что эти экзотические листья были выкованы из металла. Зимой, спускаясь с Карповского моста на собачей упряжке, Юлечка вылетел из санок на бульжную мостовую и в первый раз повредил свой носик. Набралась целая кружка крови, пока двоюродный брат Валерий и овчарка Джек вели малыша в квартиру на пятом этаже. Юлечке было очень больно и, вместе с тем, непонятно, почему из носика вытекло так много этой тёплой как молоко, но почему-то красной, жидкости.

Юрке исполнилось пять лет, когда он впервые увидел своего папу, закончившего послевоенное лечение в госпиталях. Отец сказал сыну, что по приказу Сталина утопил свой ТТ в Карповке, сразу же после женитьбы на маме. Кто такой Сталин и что такое ТТ Юрка не знал, но испугался. Значительно позже, выросший из этого пугливого ребёнка офицер, узнал о Вожде всех народов и только в случае крайней необходимости, использовал в своей работе не пистолет Тульский Токарева, а принятый на вооружение в 1949 году пистолет Макарова.

Вскоре после воссоединения семьи, по рекомендации врачей, родители с единственным сыном переехали жить на Крестовский остров. Не достигнув семилетнего возраста, Юрка пошёл в первый класс школы десятилетки на Константиновском проспекте. Он помнил, как женщины плакали, когда умер любимый Вождь и, несколько лет спустя, тёплое лето, когда в наш город пришёл Международный Фестиваль молодёжи и студентов. Было много улыбок, конфет, цветов и значков в виде ромашек с разноцветными лепестками. А ещё жевательная резинка с мятным вкусом, и блестящий пакетик с непонятным названием «Кохинор». Из содержимого пакетика, Юрка надул воздушный шар, который почему-то имел форму колбасы.

Отец Юрки - инвалид войны первой группы, не работал, поэтому летом всей семьёй уезжали на отдых в Белоруссию. А там:

рыбалка; запахи завода по переработке рыбы; ночные скачки на лошадях; журавли на крышах; велосипедные прогулки вокруг Браславского озера (пятьдесят километров в окружности); песни под баян у костра на острове; похоронная процессия и приводящие в оцепенение бархатные звуки органа в Костёле; оглушение коровы деревянным молотом на скотобойне и поглощение краснорожим забойщиком крови, хлеставшей из перерезанного немецким штыком горла невинной жертвы, повисшей на перекладинах станка для жертвоприношения; подкладывание булыжников в мешки с заготовленной рябиной при сдаче её на переработку.

На берегу Браславского озера, в деревне под названием Рог жили белорусы, бывшие до 1939 года гражданами Польши, и их дети со странными мужскими именами: Валентус, Сдисик, Тадик, а девочка Реня, в свои четырнадцать лет, уже хотела выйти замуж. Рыбак по фамилии Петкун, подарил сыну Тадеушу баян и мотоцикл, а хлопчик из Ленинграда преподавал Тадику основы игры на этом музыкальном инструменте и катался на мотоцикле «Москва».

В те годы Юрка, по желанию отца, учился музыке и играл в оркестре баянистов Дома культуры работников деревообрабатывающей промышленности. Ещё в шестом классе, за месяц выступления в кинотеатре «Свет», он заработал много денег. Мама расплакалась после того, как Юрка достал из нагрудного кармана пиджака купюру белого цвета достоинством в сто рублей. Сам же музыкант так устал, что был невозмутим. Ему предстояло накормить и выгулять бездомную, но красивую дворняжку, которая жила в дровяном сарае. Весной он отвёл её на пустырь, где она раньше и обитала.

Привезя со свалки рентгеновские снимки (из которых впоследствии подпольно изготавливались гибкие пластинки – «Рок на костях») и получив от фраера за снимки пять рублей, Юрка покупал (через посредника) бутылку портвейна. Затем с товарищами он забирался в развал из брёвен, лежавших на берегу Средней Невки. Здесь добытки выпивали, закусывали и пели разные, а иногда и блатные, песни. С товарищами он стрелял из рогатки и мелкашки по голубям, затем ощипывал убитых сизарей, поджаривал их тушки на вертеле и ел, когда был голоден, что случалось редко. Большие пацаны ловили певчих птиц в силки и продавали этих невольниц на птичьем рынке, где-то на Лиговке.

Затем была политехническая школа, читальный зал Крестовской библиотеки с редкими книгами из Елагинского дворца,

просветительские беседы со старушкой библиотекарейшей о прочитанном и занятие академической греблей с ощущением мышечной радости. После окончания одиннадцатилетней школы, Юрке, для последующей службы в армии, хотя вначале хотел стать геологом, была сделана операция по исправлению переносицы. Он так и не получил звание мастера спорта СССР, поскольку во время чемпионата Советского Союза по гребле, сдавал экзамены в Академию связи имени, почему-то, Будённого. На медицинской комиссии Юрку предупредили, что левый желудочек сердца расширен, но он даже не размышлял на тему о том, почему его сердце такое большое. На самом деле это была тривиальная, спортивная брадикардия. Он купил три Пособия для поступающих в ВУЗы и за десять дней решил все указанные там задачи. Эти книги он изучал именно в тех развалах брёвен, среди которых, четыре года назад вместе с пацанами пил портвейн. И в этом не было ничего удивительного. Именно там, Юрка чувствовал себя защищённым от суеты внешнего мира. Там не берегу Средней Невки можно было заняться разгадкой тайны мироздания.

Затем были вступительные экзамены в Академию, отличные оценки, в том числе за сочинение «Ленин всегда с тобой», помощь в решении задач по математике абитуриентам-солдатам. После экзаменов Юрка прошёл курс обучения молодого бойца в учебном лагере Академии, поблизости от посёлка Сертолово. И всё бы пошло по намеченному пути, если бы не известие отца о переводе роты в создаваемое в Киеве Высшее военное училище связи, где слушатели стали бы курсантами, а не слушателями.

Юрка, за день до принятия присяги, решил покинуть военную службу, поскольку сам факт перевода в училище был скрыт от новоявленных слушателей Академии. Справку о пятёрочных результатах вступительных экзаменов Юрка не получил, хотя заместитель начальника Академии генерал Коршунов обещал её подписать, за неразглашение тайны о переводе в Киевское училище.

В августе он снова сдал экзамены и поступил на вечерний факультет ЛЭТИ им. В. И. Ульянова (Ленина), а с первого сентября началась его взрослая жизнь. Вот такое было у Юрки начало пути к блаженству.

Затем последовали: двухлетняя вечерняя учёба в ЛЭТИ и дневная работа слесарем на Кинокопировальной фабрике на 2-ой

Берёзовой аллее, электромехаником во ВНИИ РА на Шкиперском протоке Васильевского острова; потеря сознания в трамвае сорокового маршрута поздним вечером после учёбы на пути к дому; переход, по настоянию отца, снова на второй курс ЛЭТИ, но уже дневного факультета, после окончания которого, Юрка стал электрофизиком; приобретение в Риге оборудования для лаборатории и опытного цеха, подготовка кандидатской диссертации и закрытие темы исследований по экономическим причинам; направление на работу в КГБ СССР.

Что же снова на военную службу, вернее приравненную к военной? Ответ на этот вопрос вытекает из того, что многие выпускники ВУЗов привлекались к общественной работе. Юрку избрали секретарём комсомольской организации 5 отдела и опытного цеха ВНИИ «ГИРИКОНД». В этой организации состояло 90 комсомольцев и Юрке предложили стать освобождённым заместителем секретаря комитета ВЛКСМ всего НПО «Позитрон» с дальнейшим переходом в райком комсомола. Но он от «партийной» карьеры отказался.

Именно в эти годы, Юрка почувствовал себя настоящим мужчиной. Будучи кандидатом в мастера спорта и работая бойцом студенческих отрядов, он стал замечать, что иногда на его тренированное тело пристально смотрят студентки и молодые женщины. Несмотря на последующие профессии он долгое время шёл по стопам отца (потомка донских казаков, шахтёра, рядового бойца войск НКВД, снайпера в Финскую компанию, командира взвода пехоты во время Отечественной войны, а после - инвалида).

Юрка воспринимался окружающими как внешне спокойный, рассудительный молодой человек, не лишённый чувства юмора. Однако внутри была заложена такая бомба, что её запал удавалось гасить лишь упорным трудом и внутренним покаянием. Вероятно, поэтому, он всегда стремился к жизни уединённой, что, конечно, не сопоставимо с житием тех, кого в старину называли блаженными. Ведь блаженный, это благополучный, счастливый. Блаженные — нищие духом, смиренные, то есть считающие себя недостойными, а поэтому стремящиеся святою жизнью удостоиться высших благ небесных (*Матф. 5,3; Лук. 6,20*).

Аксенов Олег Петрович

Родился в 1944 году в Ленинграде.

Окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета.

Полковник в отставке.

Россия – моя Весна!

Наши годы – как мгновения –
Рассекают мир крылом.
За окном пора осенняя,
Мысли, думы о былом.

Уж немало вёсен встретил:
Салют Победы, Гагарина полет,
Любовь, которую приветил,
Грядущей жизни ясный взлет.

Мы верили в идею свято,
Боролись против разных зол.
И шли по жизни с песней-клятвой:
«Ленин. Партия. Комсомол!»

Но пробились сорные всходы
Запада ржавых дождей,
Они ждали момента годы
До измены наших вождей.

Повернулась история вспять
Логике всей вопреки,
Чтоб богатеи стали опять
Править свой бал на Руси.

Под звуки безумного вальса
На изломах российской судьбы
Забивались гвозди Чубайса
В идеалы советской страны.

Наследие доблестных предков
Зажато в нечистых руках,
Березы, к печали, нередко
Сменили рожь на полях.

Не стало былой державности:
Послушными шли «на бис».
Был только шаг до крайности –
Исполина, летящего вниз.

И вот на грани падения
Россия народу явила вдруг
Владимира - тезку Ленина,
Страны спасательный круг.

Нужен новый путь единения,
Либеральный фетиш – прочь!
Безопасная жизнь, без сомнения,
Должна подъему помочь.

Обуздать агрессию в мире,
Встать в полный рост с колен,
Отечеству быть сильным –
С Путиным ждем перемен.

Помнить надо отцов и дедов -
Не бывает в прошлом прорех.
Родители наши ковали Победу,
Жизнью своею творили успех.

Надо быть патриотами лучшего,
Свет добра – у нас за спиной.
И душа человека русского
Едина с природой родной.

Память о прошлом – сила духовная
Тех, кому Родина наша мила.
Сделаем так, чтобы слава народная
В каждой семье непременно жила.

Старые фото, ворóнки снаряжные
На дорогах далекой войны...
С нами будут герои блокадные –
Невской твердыни сыны.

Выйдем с детьми на майские площади
С лентой победной в петлицах.
Над нами - бессмертное общее
Полотно победителей в лицах.

Пусть слышат желанные внуки
Зов священной русской земли
И под эти волшебные звуки
Сохраняют устои семьи.

Будем счастливы мы и едины,
Свитые в крепкий нерв.
Отчизне нашей любимой
Обеспечим движение вверх

Верность

Время жестко прессует память
О спасителях нашей страны,
Образу скользкую наледь
На пути российской страды.

Дети войны это чувствуют остро –
В них памяти той – духовный росток.
За правду отцов они борются просто:
Если не мы, то это сделает кто?

А. И. Романову –

поэту, художнику и чекисту

Ровесник далекой Победы,
Великого времени сын -
Ты стал всероссийским поэтом,
Творцом вдохновенных картин.

В высоких стихах и прозе,
В твоих живописных холстах
Мы чувствуем личные грезы
О будущих наших годах.

Нам видится в этом забота
Сберечь отцовский настрой
В нынешней сложной работе,
Во имя Отчизны святой.

Чекист во втором поколении,
В «холодной» схватке с врагом
Был ты успешен в стремлении
Уберечь от противника Дом.

Интеллект и творческий опыт,
Призвание быть впереди –
Каждый год трудом своим добыт
В актив чекистской семьи.

Горячее слово певца-ветерана
Зовёт безусловно понять:
Ведь никогда не бывает рано
Правду истории знать.

Военной эпохи герои,
Бойцы комитетских знамён
И ныне кто защищает устои -
Это единая связь времён.

В том строю не бывает изъянов,
В нем каждый к бою готов.
Сегодня отец твой Иван Романов –
Офицерской чести оплот.

Пусть будет твое вдохновение
К молодёжи верным мостом.
Ждем новых побед свершения
Над чистым листом и ... холстом!

Встреча с малой родиной

Мне не забыть ярославские встречи –
В той летней поездке в деревню к тебе –
После работы в есенинский вечер
С земляками в душевном тепле.

В деревянном простеньком доме,
Где хозяйкою мама твоя,
С близнецами земными я спорил,
Слушал их разговор до утра.

Выходила ты к нам под окошко,
Пела с братьями песни про Русь
Под видавшую виды гармошку,
Пробуждая и радость, и грусть.

А вокруг – что в песне звучало:
Родные поля и леса,
Речка Конгора к Волге журчала,
На берегах деревеньки несла.

Луна в ночи хорошо потрудилась,
В рожь прилегла у края воды.
В поле льняном васильки приютились –
Самые лучшие в мире цветы.

Полная ясность в извечном вопросе
О родине нашей в то время была:
Здесь дед Алексей на церковном погосте,
Здесь наши корни и наша судьба.

Ярославне

Полвека – много это или нет?
Для родины–страны, для человека,
Для женщины, с которой тет-а-тет
Обычно говорим об этом?

Год пятьдесят шестой!
Какие давние теперь уж времена!
Но помнится на Конгоре шесток,
Откуда жизнь твоя начало обрела.

Я где-то рядом был с тобой тогда,
Жил на другом у речки берегу.
Катилась к Волге светлая вода,
Питая силой деревенек череду.

Та жизнь крестьянская размеренно текла
С опорой на старинный лад.
В ней было много душевного тепла,
Но не было заслуженных наград.

Тяжелый труд за мини-трудодни
Без права выбрать поприще иное,
Непроходимые дороги даже лошадьми,
Чтобы добраться в полюшко ржаное.

Ещё машины – редкость на селе,
Лампадный свет из маленьких оконеч,
И мужики всегда навеселе
После косьбы у рыбинских околиц.

С рассветом баб разбудит петушок:
Корова, печь, еду готовить надо.
Возьмут с собой съестного туесок,
И вновь в полях рабочая отрада.

Мальчишкою и я бывал на той страде,
Мял силос босыми ногами.
И в печке русской мыл меня мой дед,
Я крепко спал потом на сеновале.

Но были дни – душой все отдыхали:
Праздник православный уважал народ.
Под гармошку песни весело звучали,
Шёл девчат цветистый хоровод.

Ты с годами всё это сердцем впитала,
Научилась счастье своё созидать.
Многоцветье полей тебе силы давало,
Их васильковая благодать.

И кувшинки на нашей Конгоре-речке,
И колоколенка над Ермаково,
И то, что в деревне здоровья желают
при встрече,
Хоть имя твоё совсем незнакомо.

И неслышанный нами малиновый звон
Старины пошехонской, родимой,
Привёл тебя ныне в учительский дом,
И чистой душу твою хранит он.

Как много значит эта чистота
Для нашей заплутавшейся страны,
Когда черёмухи цветущей красота
Для городской неведома шпаны.
Когда исконная душевная напевность,
Так радостно звучащая в тебе,
Для нынешней элиты невелика ценность,
Попсой забита на ТВ.

Да и деревня ведь другую стала:
Дороги лучше, импорта полно.
Только на дворах её скотины мало,
И труд артельный позабыт давно.

Но остаётся в ней великая основа
Судьбы твоей и всей твоей семьи –
Дом материнский в любимом Ермаково,
Хранитель духа близкой нам земли.

Здесь наши деды нравственно мужали,
Здесь годы детства в радости прошли,
Россию здесь, по сути, мы узнали
И верность ей навечно обрели.

В строю «Бессмертного полка»

Человеку свойственно обращаться к своим детским годам. Нет-нет да возникают в памяти праздничные дни 1 мая и 7 ноября в Ленинграде далеких послевоенных лет – конца 1940-х – начала 1950-х. Мы, мальчишки – от дошколят до подростков, собирались утром во дворе дома по проспекту Газа (с октября 1991 года – Старо-Петергофский) и выбегали на улицу смотреть удивительно яркое по восприятию прохождение представителей предприятий и организаций Кировского района. Именно здесь пролегал маршрут следования колонны кировчан к Дворцовой площади.

Город украшен, оживление среди ожидающих процессию. Наконец, со стороны Обводного канала слышатся мощные звуки духового оркестра, и заполняющий проезжую часть поток демонстрантов энергично (идти-то еще далеко!) приближается к нашему дому. Красочное половодье транспарантов, портретов, знамен, свидетельств трудовых достижений, дружное исполнение популярных песен военного времени как магнитом притягивает нас, малышню. Мы сопровождаем колонну до кинотеатра «Москва», стараемся идти в ногу с ней, заворуженно наблюдаем за происходящим.

Сегодня вспоминаются важные детали того шествия. Первым в той колонне всегда шел коллектив Кировского завода, всю войну собиравший и ремонтировавший танки и другую бронетехнику для нужд фронта. Фронтовики, труженики тыла, блокадники и представляли тогда завод на демонстрации. Помню их радостные и добрые лица, а в хорошую погоду – и обилие заслуженных наград на груди каждого. Во всем этом был дух единства и солидарности людей, победивших фашизм.

Многое изменилось с тех пор в стране. Другими стали идеологические ориентиры и праздники. Иного рода проводятся демонстрации. Но тяга к единению остается в народе. С начала 2010-х годов в стране набирает силу идея сохранения личной памяти граждан о поколении советских людей, добившихся победы в Великой Отечественной войне. Ежегодно 9 мая по собственной воле горожан проводятся их шествия с портретами своих родственников – участников войны, партизан, подпольщиков, тружеников тыла, блокадников. Это подлинно народное движение, получившее название «Бессмертный полк», аккумулирует семейные истории о победителях, стало массовым, шагнуло далеко за пределы России.

Внутренне в День Победы я всегда ощущал себя в колонне «Бессмертного полка». Для этого есть весомые личные причины.

Да и среди задач, которые решают ветераны-чекисты, сохранение памяти о войне является одной из важнейших. Однако пока находился в центре организации общественных дел в Управлении – а дел таких в майские дни бывает очень много – выбраться самому на шествие «Бессмертного полка» не удавалось.

Мечта моя осуществилась в 2018 году. Вопросы, чей портрет представлять в процессе прохождения по Невскому проспекту, не было: конечно, моего отца – Петра Алексеевича Аксенова, моряка-балтийца, защищавшего Ленинград весь период войны. Семейно, вместе с внуками, мы прошли от Дегтярной улицы до Дворцовой площади плечом к плечу с сотнями тысяч ленинградцев – петербуржцев, кому дорога память о военных годах своих самых близких людей. Это шествие тоже было очень красочным: творчество проявили и сами его участники, и жители Невского проспекта, радостно приветствовавшие демонстрацию с балконов и из окон домов. И тоже звучали песни военных лет. Но чаще всё же затягивали «Катюшу».

«Бессмертный полк» позволил сделать еще один шаг вперед в лучшем понимании судьбы моего отца. К тому времени семьей Аксеновых уже были получены новые сведения о его боевом пути, предпринято многое для сохранения памяти о нем среди потомков. Вот что написано об этом в моей книге «Тем, кто рядом – от души».

Казалось бы, вся основная часть жизни отца прошла у меня на глазах, и я должен о ней знать практически все. Но, к большому сожалению, приходится констатировать:

*Я каждый день смотрю на твое фото
И часто внучку подвожусь к нему.
Как жаль, что много я тогда работал
И не спросил о многом наяву.*

Сам Петр Алексеевич всегда был полностью погружен в работу и очень мало рассказывал о том, чем занимался. Дома было не принято обсуждать темы, связанные со служебной деятельностью главы семьи. Ни вспоминать его жизнь в родной ярославской деревне Ескино в период коллективизации на селе в начале 1930-х годов. Ни интересоваться подробностями его военной службы на Балтийском флоте, в Кронштадте, и боевого пути по защите моего родного города – Ленинграда от немецко-фашистских захватчиков. А что уж говорить о длительной командировке отца на Урал в начале

1950-х годов, где вводились в строй предприятия очень важной для СССР и активно развивающейся атомной промышленности? Об этом дома я не слышал ни слова. Такой же порядок соблюдался и в дальнейшем, когда в годы «холодной войны» отец работал в структуре строительных организаций оборонного ведомства.

Он, конечно, понимал, что *«не всё тогда в Советах было просто на нашем правильном пути»*. Однажды поведал в общих чертах, как чудом избежал политических репрессий в ежовское время – в 1937 году. Но всегда верил в идеи и политику Советской системы, стал в 1941 году коммунистом. Защищал страну на фронте, укреплял ее своим трудом в мирное время, пройдя вместе с народом через большие испытания.

В 1991 году перестал существовать Советский Союз. Причины кроются не столько в объективных, сколько в субъективных факторах. Главное состояло в измене коммунистической идее руководящей верхушки КПСС. Верх взяли либеральные ценности. Практически на государственном уровне происходило очернение всего советского. Отцу было крайне тяжело осознать и принять это.

С тех пор прошло более четверти века. Но Великая Победа 1945 года и первый полет человека в космос остаются наивысшими достижениями нашей страны, а созданный в советское время ядерный щит и сегодня работает в интересах ее национальной безопасности и суверенитета. Заслуга в этом принадлежит поколению советских людей – победителей, проявивших ради лучшего будущего своего Отечества, своих детей и внуков невиданные ранее примеры мужества и стойкости, высокой нравственности и патриотизма. В рядах этого удивительного поколения находился и мой отец – Петр Алексеевич Аксенов:

*Я вижу добрую твою улыбку
И слышу твой спокойный голос.
Такие совершили успешную попытку
Пройти с ноля до взлета в космос.*

Меня очень привлекает и волнует судьба отца. С детских лет я полюбил его родные места – деревню Ескино и реку Конгору с прибрежными полями и рощами, село Ермаково со старой церковью Рождества Христова, Пошехонье с водной мощью и красотой рек Сога и Согожа. Еще совсем маленьким, на рубеже 1950-х годов, меня привез из Ленинграда впервые в Ескино дедушка Алексей. Причем от Пошехонья до Ескино (а это несколько десятков

километров) из-за полного бездорожья и отсутствия какого-либо транспорта мы прошли с ним пешком по лесам и рекам, переночевав в одной из деревень, встретившихся на пути. В последующие годы каждое лето, за исключением командировки отца на Урал, вплоть до студенческого возраста, я проводил в его родной деревне, которую, будучи ленинградцем, считаю своей малой родиной.

Здесь я научился заготавливать дрова, косить траву на корм домашним животным, ловить рыбу, собирать ягоды и грибы, познал, что такое летние сельскохозяйственные работы в колхозе:

*Мальчишкою и я бывал на той страде,
Мял силос босыми ногами.
И в печке русской мыл меня мой дед,
Я крепко спал потом на сеновале.*

Позднее и брат Сергей прошел по пути познания родных приволжских устоев нашей семьи, принял их всем сердцем и душой. Для нас остается неперемнным желание соприкоснуться с родной землей Петра Алексеевича, окунуть руки в воду незабываемой реки Конгоры, почувствовать её живительную свежесть. Когда я с братом приезжаю на Ярославщину, всегда первым делом прихожу к дому деда Алексея в Ескино, с волнением спускаюсь к реке, вспоминаю, какая активная жизнь шла здесь полвека назад. Это, видимо, – возрастная ностальгия.

В настоящее время деревня и берега Конгоры заросли травой. На пространстве бывших колхозных полей виден мощный березняк. Многие дома находятся в плохом состоянии. Уже не существует зданий клуба и школы, которую окончил мой папа. Однако стоят еще несколько берез, посаженных им вместе с одноклассниками около школы в конце 1920-х годов. А когда в мае 2017 года мы посетили Ескино, то на месте второго дедовского дома, где прошли мои детские годы, оказалась поляна, заросшая травой. Разрушенный временем дом вывез новый владелец этого участка. Но зато еще сохранился первый дом дедушки Алексея, в котором я тоже когда-то жил.

И все же, этот пошехонский край стал системообразующим фактором в формировании моего мироощущения, чувства родины. Однажды я так сформулировал стержневой лейтмотив моих патриотических взглядов, рожденных под воздействием родного ярославского раздолья:

*Здесь наши деды нравственно мужали,
Здесь годы детства в радости прошли,
Россию здесь, по сути, мы узнали
И верность ей навечно обрели.*

Важнейшей вехой в деле сохранения памяти о нашем с Сергеем отце стал 2015 год – год 100-летия со дня его рождения. В мае, к 70-летию Великой Победы, мои внуки Олег и Алёна выступили в своих школах с сообщениями на тему: «Как воевал мой прадедушка Петр». При этом были использованы добытые в Интернете информационные материалы о сторожевом корабле «Туча», на котором служил отец.

5 октября на Большеохтинском кладбище в Санкт-Петербурге, где покоится прах отца, собрались члены семей продолжателей рода Аксеновых, берущего свое начало от Петра Алексеевича Аксенова. Говорили добрые слова в его адрес, положили цветы на захоронение. А затем отправились на автомашинах в Кронштадт, где отец учился в Школе связи и проходил службу в предвоенные и военные годы. К этой знаменательной дате Сергей и его сыновья подготовили специальный буклет: «АКСЕНОВ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ (1915 – 2015). К 100-летию со дня рождения». В него включены документальные материалы проведенной поисковой работы: информация о Школе связи и СКР «Туча», наградные листы на отца и его служебная книжка краснофлотца, фотографии военного времени, сведения на братьев Александра и Василия – участников войны.

Важным источником информации о боевом пути отца стала изданная в 2014 году книга А. А. Чернышева «Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941 г.» Эту книгу в магазине «Буквояд» заметил мой десятилетний внук Олег. Он увидел, что она содержит, в том числе, описание боевых действий сторожевого корабля «Туча» и попросил свою маму приобрести ее.

Привлечение внимания к судьбе Петра Алексеевича в связи со знаменательной юбилейной датой позволило мне значительно углубить знание его военной биографии.

Прежде всего, было уточнено и конкретизировано участие отца в войне с Финляндией. Это участие считалось само собой разумеющимся, но дома данная тема никогда не обсуждалась. Отец был очень скромным человеком и не придавал большого значения личным боевым действиям зимой 1939 -1940 годов во время военного конфликта Советского Союза со своим северным соседом. Позднее

эти локальные по важности для судьбы Родины события перекрыла собой Великая Отечественная война.

Между тем, теперь хорошо известно, что сторожевой корабль «Туча», на котором командиром отделения электриков, а в боевой ситуации – наводчиком 100 мм орудия служил отец, был активно задействован в Зимней войне. СКР «Туча» выходил в дозор на прилегающую к финляндскому побережью акваторию, сбрасывал глубинные бомбы, обеспечивал высадку десанта на финские острова. 18 и 19 декабря 1939 года в составе эскадры сопровождал линкоры «Октябрьская Революция» и «Марат», вышедшие из Кронштадта для обстрела батареи Сааренпя на острове Койвисто.

Есть и другие свидетельства боевых действий отца в Зимней войне. В его книжке краснофлотца зафиксировано участие «в боях с белофиннами». Существует фотография его сослуживца Тихонова А. И., которая была подарена отцу с надписью: *«На долгую память наилучшему другу, боевому командиру Аксенову Петру Алексеевичу, участнику совместного разгрома белофиннов».*

С первых дней Великой Отечественной войны СКР «Туча» участвовал в постановке оборонительных минных заграждений, чтобы не допустить проникновения противника в Рижский и Финский заливы. Вместе с другими кораблями Балтийского флота решалась важная задача – нарушать морские сообщения Германии, тем самым препятствовать усилению немецких войск под Ленинградом и в Прибалтике. В период войны «сторожевик» неоднократно обеспечивал подавление береговых фашистских батарей, конвоировал боевые корабли и транспорты, осуществлял эскорт подводных лодок, отражал массированные налеты немецкой авиации на военноморскую базу.

Следует отметить, что СКР «Туча» был участником первого для наших кораблей боя с гитлеровскими надводными силами на Балтике. Это боестолкновение произошло 5 июля 1941 года во время постановки «сторожевиком» мин в Ирбенском проливе.

Серьезным испытанием для команды СКР «Туча» стал его подрыв на mine в ходе боевой операции в районе Риги 18 июля 1941 года. В результате взрыва была деформирована кормовая часть корпуса, погнуты гребные винты, затоплены кормовые помещения. Погибли два члена команды, семеро были ранены. Рулевая машина вышла из строя, в румпельном отделении начался пожар.

Участовавший в том походе сторожевой корабль «Снег» взял поврежденную «Тучу» на буксир и привел ее на базу в Рохукюля.

Этот переход через Рижский залив стал сложнейшим испытанием для экипажей СКР. Он длился 16 часов. «Сторожевики» 17 раз были атакованы авиацией противника, но все атаки отразили: ни одна из 150 бомб, сброшенных немецкими самолетами, не попала в наши корабли.

Совершенно очевидно, что СКР «Туча», его команда внесли достойный вклад в Великую Победу. Весь период войны членом этой команды был старшина 1 статьи Аксенов Петр Алексеевич. Из представлений отца к боевым наградам, подписанных командиром корабля, следует, что он участвовал во всех боевых операциях «Тучи», в боях с врагом *«вел себя мужественно и спокойно»*. Своей отличной работой установщика прицела орудия обеспечивал успешное проведение стрельб по боевым надводным объектам и береговым батареям противника, их подавление.

Особо радует высокая оценка его действий в критической ситуации, связанной с подрывом «Тучи» на mine в июле 1941 года: «являлся одним из мужественных участников в борьбе за живучесть корабля». А можно ли читать без волнения такие строки одного из наградных листов на отца: *«Во время обстрела корабля, когда снаряды ложились с недолетами только 50 – 60 метров, Аксенов Петр Алексеевич показал себя стойким бойцом и спокойно продолжал работать на своем боевом посту, давая пример всему личному составу»*.

Меня вновь и вновь посещает чувство огорчения от того, что не удалось так же глубоко соприкоснуться с военной судьбой отца при его жизни. Бывшие тогда рядом с нами старшие товарищи практически все прошли Великую Отечественную войну. Мы с удовольствием и почтением к героям встречались с ними, читали книги, смотрели фильмы об их боевых и трудовых подвигах, а вот о конкретном вкладе в Победу своих родителей многого не знали. Поэтому хочется, чтобы в сердцах моих детей и внуков с гордостью хранился бы созданный совместно «файл» той памяти о ратных делах рода Аксеновых, вместе со всем поколением советских людей – победителей, обеспечившим разгром фашистских агрессоров.

Когда-то я выразил в стихах еще одно свое сокровенное желание:

*Моя мечта, чтоб дети, внуки
Истоки помнили родни,
К земле отеческой тянулись не от скуки,
А от потребности дорогой той пройти.*

С сыном мы приезжали на малую родину моего отца. А вот с внуками – не получалось. «Бессмертный полк» дал мне очень важный побудительный импульс, и уже через два месяца мы с внуками на моем автомобиле совершили увлекательную и познавательную поездку по родным ярославским местам П. А. Аксенова. За четыре дня проехали почти две тысячи километров. Посетили село Ермаково, где на церковном кладбище похоронен дед Алексей, деревню Ескино, окунули руки в реку Конгору. Побывали также в Пошехонье и Ярославле, а в Рыбинске искупались в Волге – будто крещение приняли.

Вот такая получилась связь времен.

Артюхин Иван Алексеевич

Родился в 1929 году в деревне Липецкой области.

Окончил Высшее морское инженерное училище им. адмирала Макарова.

Капитан первого ранга в отставке. Почетный сотрудник госбезопасности.

Марш суворовцев

Кольшутся минилампасы,
На брюках военный покрой.
В величье своем – без прикрасы
Шагает суворовцев строй.
И марш не из детского хора
В округе как клятва звучит:
Мы Родины нашей опора,
Мы меч ее острый и щит.
Мы дети эпохи раздоров
И бурь грозowych для страны,
Да будет великий Суворов,
Как знамя священной войны.
Мы кровью отцов освятили
Отечества светлый алтарь,
С отвагой в суворовском стиле,
Как предки в далекую старь.
И если нам выпадет то же,
Мы честь не уроним свою,
Суворовцы! Четче и строже
Держите равнение в строю.

Шторм на море

На водной глади пены островки,
И гладь их порождая, поглощает.
То сам Нептун, взъярившись от тоски,
Жестокий шторм на море предвещает.
Грозит он, устоявшуюся гладь
Вдруг обратить в котел бурлящий,
Чтоб мог в нем выдюжить и устоять
Хозяин моря настоящий.
Но не пришелец, кем бы не был он,
Попав туда с корыстью иль невольню...
Ох, как нередко мы самодовольно
Так жаждем почести, чинов, имен,

Так ищем застоявшуюся гладь,
Где шторм и в снах не мог присниться.
И забыв, что вдруг опять
Нептун в тоске своей взъярится.

Летний дождь

Летний дождь, задиристый и хлесткий
В рощу свою музыку принес.
И вокруг притихшие березки,
Дружно растревожились до слез.
Слезы с листьев падают на землю
И сочатся глубже до корней.
В тихой той мелодии я внемлю
Голосам давно минувших дней.
Здесь ряды других берез стояли,
Грозных лет достойные вполне.
Они землю грудью укрывали
И солдат спасали на войне.
Их рубили, жгли, по ним стреляли,
Было трудно им вдвойне,
Никого они не умоляли,
Просто на войне, как на войне.
Плачьте, плачьте гордые березы,
Наклоняясь ветками к корням,
Эти корни и такие же слезы
Дали жизнь и величавость вам.

Деревенская роща

Здравствуй роща,
Я к тебе с поклоном
Через сорок с лишним трудных лет.
Помаше мне бархатом зеленым
И шепни приветливо в ответ.
Право, роща, странствовал я много,
Но и там, среди чужих лесов
Снилась ты, как дева недотрога,
Как любовь, без суеты и слов.
Сколько раз наряд ты свой меняла,
Молодясь и старясь, каждый год.
Сколько ты таких же осеняла,
Уходящих в странственный поход,

Но им всем везде любви и милы,
Вечно осененные тобой,
Предков наших тихие могилы,
Их крестьянский сладостный покой.
Так будь же сторожем бессонным
Никогда не гибнущих святынь.
И в любви к краям своим просторным
Ты не измени и не остынь.

Осень

Заслонилося небо, заслонилося
Сонмом серых, скучных облаков,
Это осень с нами поделилась
Мыслями о сменности веков.
Обгонять не торопясь друг друга,
Облака задумчиво плывут,
За чертой нам видимого круга
Они вскоре как и мы умрут.
И когда лозоревою новью
Озарится чистый небосклон,
Уж не мне встречать его с любовью,
То свершит неведомый мне Он.
С Ним Она – такая ж не чужая,
Как и ты, так кажется пока,
В свой черед веселость провожая,
Они встретят те же облака.
Заслонилося небо, заслонилося
Грудами свинцовых облаков.
Это значит – солнце удалилось,
Это значит – лето растворилось
Наше лето – в вечности веков.

Вдовиченко Светлана Владимировна

Родилась в 1955 году в Ленинграде.

Окончила Ленинградский строительный жилищно – коммунальный техникум.

Майор в отставке.

Большой дом

Строений в Питере немало,
Которые увидел свет.
Там, где Литейного начало,
Знакомый строгий силуэт...
Замедлит шаг любой прохожий
И с интересом поглядит:
Дом, на другие не похожий,
Стоит, закованный в гранит.
За срок короткий был построен
Великой верой и трудом,
И почитает каждый воин
Свой легендарный Большой дом.
Одно из главных управлений,
Наш исторический исток.
Чекисты многих поколений
Здесь воинский отдали долг.
Стоят на страже днем и ночью
России верные сыны.
И враг не сможет, как не хочет,
Отнять могущество страны!
Шли годы и менялось время,
Названий множество, имен.
Но дом остался неизменен
С далеких памятных времен.
Балтийским ветром закаленный,
Дождями севера умыт.
К высокой цели устремленный,
Свои предания хранит...
Знак безопасности державы,
Чекистской символ на века!
Послужим Родине на славу,
Хоть служба наша нелегка.

Будем помнить

Земля, российская земля.
Родные реки и поля.
Деревни, села, города -
Войной прошла по ним беда.
И мы в долгу у тех солдат,
Что вечным сном героев спят,
Непокоренные врагу.
Живые, вы у них в долгу!
Давайте просто помолчим
И память их не предадим.
Своих защитников страны,
Всех, не вернувшихся с войны.
Отцов и дедов, матерей,
Жен, дочерей и сыновей,
Кто за Победу воевал,
Тех, кто в великой битве пал.
За Родину, за дом родной
В войне кровопролитной той.
Кто в танке заживо сгорал,
Блокадный Ленинград спасал.
Под Сталинградом и Москвой
Шел за страну в смертельный бой.
Стояли насмерть фронт и тыл,
И в битве враг повержен был.
У безымянных тех высот
Земля впитала кровь и пот.
Там, погибая, знал солдат,
Что не отступит он назад.
И ныне встретишь полосу
Окопов вырытых в лесу.
Остались шрамы прошлых ран,
Следы сражений партизан.
Дни испытаний и потерь,
Легендой ставшие теперь,
Нельзя забвенью предавать,
Чтоб не было войны опять.
Великий подвиг озарен
Бессмертным памятным огнем.
Пусть вечно не померкнет свет

Героев тех военных лет!
Свет скорби памяти святой,
Свет благородности людской.
Не забывайте их имен!
«Пока мы помним, мы живем!»
Поклонимся мы низко им,
Бесстрашным воинам своим,
За мужество и героизм,
Сумевшим победить фашизм!

С Днём Победы

Предраассветный туман обнимал тишину,
Когда нашей стране объявили войну.
Содрогнулась от взрывов тяжёлых земля.
Черным пеплом покрылись родные поля.

И восстал весь народ против рабства и зла.
Та война беспощадной, кровавой была.
За свободу, за Родину, счастье людей,
За родительский дом и улыбку детей.

В страшной битве никто не хотел умирать.
И молилась за сына любимого мать.
Похоронку подальше от глаз отложив,
Свято верила в чудо, что все-таки жив.

Миллионы горячих, израненных душ
Воплотились в разящие залпы «катюш».
За лишения, беды громили врага.
За святую Победу, что так дорога.

Завоевано счастье огромной ценой.
Сколько сломано судеб проклятой войной...
Оттремели раскаты сражений былых.
Той эпохи солдаты – пример для живых!

Вновь бросает мир хрупкий то в холод, то в дрожь,
Возмущает с трибун откровенная ложь.
Но останется правда на все времена.
Как сражалась Советская наша страна.

В главный праздник России – парад и салют.
Их победе, их подвигу честь отдают.
Силе мужества, веры, любви и добра.
С Днём Великой Победы! Победе – ура!

Мы помним

Дни великих сражений и тяжких потерь,
Негасимую памятью стали теперь.
Расцветают сады и шумят города.
Помним тех, кто уже не придёт никогда...

Будут песни и фильмы, стихи про войну.
Про гремящую ту, в 45-ом весну.
И врагу эту память у нас не отнять.
Сможет русский народ за себя постоять!

Так поклонимся павшим в той страшной войне,
Свои жизни отдавшим Советской стране.
Нашим прадедам, дедам, отцам, матерям.
Их святая Победа дарована нам!

Никогда не забудется подвиг солдат,
Тех, кто город блокадный спасал – Ленинград,
На фронтах героически бился с врагом
За Отчизну родную, за отчий свой дом,

Под Москвой, Сталинградом кто насмерть стоял,
В партизанских отрядах тогда воевал,
Кто трудился в тылу, дни и ночи, без сна.
Чтоб настала победная наша весна.

Вы за Родину пали, отдав долг сполна.
Вашим подвигом ратным она спасена!
Сохраним на века благодарности свет.
У Великой Победы забвения нет!

Вновь к могилам друзей ветераны идут.
В небе мирном гремит разноцветный салют.
Сердцу каждого вечный огонь говорит,
Ничто не забыто! Никто не забыт!

Голубков Ким Васильевич

Родился в 1929 году в г.Чудово Ленинградской области. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета.
Полковник в отставке. Почётный сотрудник госбезопасности.

Гимн Управлению

Идет ли бой в лесу и в поле чистом,
Иль в кабинете, полном тишины,
Всегда в строю российские чекисты -
Своей великой Родины сыны.

Припев:

А на Литейном силуэт знакомый
Вознесся над красавицей Невой.
В народе он зовется Большим домом,
А для чекистов это дом родной!

Нам имена героев наших близки:
Чекисты Лягин, Кудря, Молодцов,
Карицкий, Зорге, Абель, Кузнецов.
Их тысячи - имен на обелисках!

Припев:

А на Литейном силуэт знакомый
Вознесся над красавицей Невой.
В народе он зовется Большим домом,
А для чекистов это дом родной!

Каких бы ярлыков нам ни давали
И как бы ни старались называть,
Мы Родине на верность присягали –
Чекисты мы, и будем так стоять!

Припев:

А на Литейном силуэт знакомый
Вознесся над красавицей Невой.
В народе он зовется Большим домом,
А для чекистов это дом родной!

Секрета мы, конечно, не откроем,
И скажем прямо без красивых слов:
Когда страна прикажет «Будь героем!»,
Чекист ответит: «Я - готов!».

Привет:

А на Литейном силуэт знакомый
Вознесся над красавицей Невой.
В народе он зовется Большим домом,
А для чекистов это дом родной!

Губар Николай Евгеньевич

Родился в 1955 году в Луганской области.

Окончил Ленинградский военно-механический институт. Полковник в отставке.

Внештатник в районном отделе,
Скромняга в колесах – очках,
Запросы он складывал в дело,
Себе что-то тихо ворча.

Нескладный пиджак мешковатый
И линзы диоптрий на шесть,
Не очень похож на солдата.
Да дети – вопросов не счесть.

На улицах восьмидесятый,
В авто – олимпийский флажок.
В антрактах мероприятий
О жизни судачит кружок.

А вечером, в легком застолье,
Зашел разговор о войне:
«Фомич, ты там был! Ну и что там?
Что было страшней и важней?»

И он, неохотно помешкав,
Нескладные фразы цедил -
Как шли в сорок первом в бомбежках,
Как немец вокруг обходил.

И как вывозили архивы,
Предателей как стерегли...
Совсем не такие мотивы,
Что раньше мы слышать могли.

А дальше внештатник, замкнувшись,
Неловко свернул разговор,
А я что-то понял о службе.
И это со мною с тех пор.

Шел юбилей сороковой,
Оркестры на Дворцовой.
Звенел медальным звоном строй,
Торжественно суровый.

Вздыхал негромко ветеран -
Пришло совсем немного.
Хоть не ходили на таран
Военврачи в дорогах.

Из медсанбатов тех давно
Живых уже не встретить.
Остался только полковой
Состав на этом свете.

А те, кто в роты уходил,
И вовсе не дожили...
И грустно головой поник,
Прошедший близ могилы

Памятник мальчишкам в плащ-палатках,
Пискарёвки траурный простор.
Уходили в боевых порядках,
Мимолетный в небо бросив взор.

Не пленяясь призрачной надеждой,
Жизнь сберечь, пройдя через бои,
Вкус объятий не узнавши нежный,
Все задруги положить свои.

Не забудь их! Ты им всем обязан,
Кто рожден в години мирных лет,
В шуме дня своей гранитной фразой
Нам о том напомнит монумент.

Ах, город мой, в веках воспетый,
Особый воздух дарит мне,
Времен прошедших лихолетья
Не позабыв еще вполне.

Холодных площадей пространства
И Добужинского двора,
Неповторимые в постоянстве -
Особый петербургский мир.

Пройдя тем плавным разворотом
От храма, что на Моховой,
К ажурным Летнего воротам
Идем Фонтанкой и Невой.

Здесь обелиски, башни, шпили
В простор Невы уведят взгляд,
Где облака легко застыли,
Небесный выстроив парад.

Хоралом городских симфоний
Торжественный всплывет мотив,
Курантов отдаленным звоном,
Гром пушечный предвосхитив.

Столетие родной спецслужбы -
И тридцать пять из них мои.
Той службы, что совсем не в дружбу,
Где не ручьи и соловьи.

Где разные настолько цели,
Что трудно даже осознать.
Их достигали, как умели,
Учились терпеливо ждать.

Столетие родной спецслужбы,
В реке времен как все течет.
Героев жертвенные тени,
И тонкий шкурников расчет.

Истории непостижимой
Горел в годах кровавый след,
Но куб гранитный - недвижимый,
Опора и залог побед.

Столетие родной спецслужбы.
И ночь, длиннее всех в году.
Порядок, что так людям нужен,
И угли, что шипят в аду.

Благих намерений дорога,
Что именно туда ведет.
Об общем будущем тревога,
Восторги, злоба и почет.

И вот покой, что только снился,
С подножки поезда – в луга...
И вроде цел. И не убился.
И сам себе теперь слуга.

Упругие вальса старинного звуки,
Хрустальные люстры дворянского зала,
Когда-то здесь пары летели по кругу,
И музыка та же их сопровождала.

Теперь только старшие в публике женской
Припомнить сумеют вращение вальса,
А юные плавают в звуках блаженства,
Но сладкий полет им познать не удастся.

Мне помнится детства помост танцплощадок,
Под звуки баяна лихое вращение,
Где руки в мозолях скорей, чем в перчатках,
И ситец над шелком имел предпочтение.

Но Штраус бессмертный гремел и над ними,
И мир вокруг девушек так же кружился.
Да, с русскими вальсами, с ноткой надрыва,
Где войн, что вчера, след еще не забылся.

В антракте хмельном, развеселом и праздном,
В веселье гостей, что буфет посетили,
Мелодию вальса услышишь, как праздник,
В том доме, куда так и не пригласили.

В бескрайних просторах солдаты России
Нашли свой последний, священный приют.
Носители вечной, несломленной силы,
Их тени под праздник победный встают.

От Ржева болот до полей Бородинских,
От Крыма степей до Петсамо камней.
Встают гренадеры в мундирах старинных,
Гвардейцы встают, что булата сильней.

На ратниках тени кольчуг закаленных,
А там кавалерии легкой полки.
Кирасы бойцов, сединой убеленных,
Булавы дружин, что совсем далеки.

Встают поклониться обычным солдатам,
Что насмерть стояли в прошедшей войне,
Рванув гимнастерку, с последней гранатой,
На танки бросались в атаки волне.

И русскую землю опять защитили,
Стальной стеною страну заслоня.
В граните и бронзе навеки застыли,
Уже не увидев победного дня.

Поклонимся им, вместе с тенями ратных,
Их жизни - мерило любого сильней.
Опора для мирных годов невозвратных,
Подаренных ими родимой земле.

Штандарты доблести военной
Над нами реют в этот день.
И каждый, как солдат бессменный,
В пилотке пыльной набекрень.

Все помнят памятью столетий -
Проклятья грозному врагу,
Польни горьких отступлений,
Москвы суровую пургу.

Победы майские просторы,
Холодный лед супердержав,
Бесшумных субмарин дозоры
И враг вблизи границ кровав.

Предательство вождей запойных,
Морали жадных тварей груз,
Преодолеем и спокойно
Сплотимся в наш мужской союз.

Закроем небо над Отчизной
И защитим покой страны,
Уют домов, глаза любимых -
Извечной Родине верны.

Задует ветер над Невою,
Поземка длинную иглой
Туманом снежным путь закроет,
Льда рваный подчеркнув раскрой.

Суровый град страны суровой
Судьбой железной наделен,
Десницей грозной заколдован,
Скалой застыл в реке времен.

Величия несправедливость
И бунт бессмысленной толпы.
Блокады мертвая застылость,
Гранитный куб как знак судьбы.

Неслышный шаг в ночах железных
И призрачный мостов развод
Над водами реки безбрежной,
Где вечная заря встает.

Под строки те, что без сомненья,
Любой запомнил с лет молодых....
Мы живы им, Петра твореньем,
Под сенью шпилей золотых.

Дмитриев Юрий Олегович

Родился в 1944 году в Ташкенте.

Окончил Ленинградскую лесотехническую академию. Полковник в отставке.

Равняясь на ветеранов

Великая Отечественная война, 75-тилетие Победы в которой мы будем отмечать в 2020 году, прошла через всю мою жизнь.

Я появился на свет в г. Ташкенте 7 апреля 1944 года, когда ещё шла Война. В этот город мама эвакуировалась из Ленинграда вместе со свекровью и двухлетней дочкой - моей старшей сестрой Элеонорой. Приютили их родственники, которые проживали в Ташкенте, как говорят, с «царских времен». Сюда осенью 1942 года, став инвалидом после тяжелого ранения на фронте и лечения в госпиталях, приехал отец. К этому времени его старший брат – мой дядя Юра уже погиб в боях под Москвой, а младший – дядя Вова воевал с немцами где-то на бесконечных просторах России.

И вот на эти обстоятельства я хочу обратить особое внимание – братья ушли на Войну не колеблясь, ушли защищать Родину, хотя всего три года назад их отец (мой дед) – Дмитриев Александр Григорьевич, врач железнодорожной больницы в г. Старая Русса был арестован как участник антисоветской группы.

О том, что «доктор Дмитриев А.Г. умер в заключении в 1943 г. от воспаления легких» и «посмертно реабилитирован» бабушка получила письменное извещение из прокуратуры только в 1957 году. Но о судьбе деда я узнал много позже, когда обратился с запросом в Управление КГБ по Новгородской области. На самом деле через два месяца после ареста, в апреле 1938 года он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Вот как изложены эти события в книге «Старая Русса в истории России» кандидата исторических наук, автора ряда изданий об этом городе И.Н. Вязнина.

«1938 г. Середина апреля. Особая тройка областного управления НКВД рассматривала самое крупное дело – «Дело Леванте», состряпанное оперуполномоченным Глушневым под руководством Бельдягина. Оно составляло семь томов. Были арестованы врачи Н.И. Вольский и А.Г. Дмитриев ... Всего в камерах предварительного заключения оказалось 40 человек из Старорусского, Поддорского, Лычковского, Демянского и Молвотицкого райнов. Среди них две женщины. ... В октябре 1923 года проживающая в Старой Руссе Анна Владимировна Ледантю (Ельцова) обратилась

в Севзапбюро ЦК ВКП (б) с просьбой о приеме в партию. На запрос губкома Новгородский отдел ГПУ ответил, что бывшая эсерка по имеющимся у них данным преследует определенные политические цели. В приеме отказали. Прошло пятнадцать лет. Ледантю давно уже забыла об этом и работала заместителем директора Старорусского педучилища по заочному отделению. И вдруг – «черный ворон», унижительный обыск, арест.

Второй была медсестра Нина Александровна Пальчинская. А.И.Солженицын в эпопее «Архипелаг ГУЛАГ» рассказывает о том, как однажды в Старой Руссе смотрели кинофильм «Ленин в Октябре» и обратили внимание, что одним из руководителей оброны Зимнего был Пальчинский. А у них – медсестра с такой фамилией. Проверка показала, что это действительно жена бывшего заместителя министра торговли и промышленности Временного Правительства. После революции он стал членом научно-технического отдела ВСНХ, профессором Горного института. В последствии его обвинили во «вредительстве» и в 1929 г. расстреляли.

...Анну Ледантю обвинили в том, что якобы по заданию Ленинградского обкома партии эсеров (распущенного в 1923 г.) она создала террористическую группу в Старой Руссе. И уже по ее заданию врачи Вольский и Абрамов сформировали 16 повстанческих групп в пяти районах южного Приильменья. «Повстанцы» будто бы запасались оружием для будущего выступления и исподволь вредили колхозному строительству. Все 40 жертв сфабрикованного дела были приговорены к высшей мере».

Вот такая история. Хочется полагать, что автор публикации И.Н.Вязнин изложил ее объективно.

К слову, наша бабушка, в девичестве Анна-Матильда Курц – немка из Бессарабии тоже чуть не попала под «молох» репрессий.

Прибыв в самом начале Войны в эвакуацию в Ташкент и проходя прописку по месту нового жительства, услышала от ретивого сотрудника НКВД, заглянувшего в её паспорт:

- Немка? - в течение 24-х часов на лесоповал в Сибирь, бойцом трудфронта - и паспорт полетел в ящик его письменного стола.

Тогда три невестки бабушки пришли в Военкомат и там заявили:

- Что же вы делаете с матерью, трое сыновей которой – командиры Красной Армии сражаются с фашистами на передовой?

На следующий день тот же «товарищ из органов» вернул Бабуле

паспорт с пропиской. Видно, и тогда в НКВД у «ретивых» были умные начальники.

За бои под Ленинградом, у Ропши в 1941 г. мой отец был награжден орденом Красной Звезды. Его брат - Всеволод свою «Звездочку» заслужил, освобождая Белоруссию. Вот выписка из наградного листа: «09.10.43 руководил работами по разминированию... моста и брода через р. Мошна в районе г. Лиозно Витебской области. Восстановлены два пролета моста, разминировано мин Т-42 – 40 шт., снято стандартных зарядов 80 шт., фугасов – 250 кг. При выполнении задания противник вел обстрел из автоматов и артиллерии. Ст. л-т Дмитриев организовал оборону производимых работ, ведя ответный огонь из автоматов и винтовок. Работа была сделана за 5 часов без потерь личного состава. Выполнение задания по восстановлению моста обеспечило продвижение всех видов транспорта в период наступательных действий».

А как иначе могли воевать наши отцы «в период наступательных действий», приближая великую Победу?

После Войны, в сентябре 1945 года, как только началась реэвакуация, бабушка и мама с детьми вернулись в Ленинград, а точнее – в поселок Понтонный Колпинского района, где до Войны проживали и работали на Усть-Ижорском фанерном заводе. Пришедшие с войны братья Олег и Всеволод стали работать здесь же на руководящих должностях. В 1947 г. Всеволод снова был призван в армию, участвовал в строительстве «закрытых» оборонно-космических комплексов СССР и демобилизовался из вооруженных сил в звании полковника. А Олег в 1952 г., ещё в «сталинский период», был назначен главным инженером завода и проработал в этой должности более 20-ти лет до ухода на пенсию. Это я к слову об отношении советской власти к детям «врага народа».

После войны наши люди жили умеренно, без особых претензий. Радовались всему – вот начали строить новый корпус детсада, вот восстановили из руин два больших каменных дома, а в одном из них открыли промтоварный и продовольственный магазин, парикмахерскую, почту и сберкассу.

Поселок хорошел на глазах. Одной из его достопримечательностей был небольшой парк на берегу речки с ласковым названием «Ижорка». Его в 1948 году посадили сами фанерщики. Помню, на входе, посередине большой цветочной клумбы стоял на невысоком постаменте гипсоцементный, «под бронзу» обелиск Сталина в военной форме, с не-

изменной трубкой в руке. После 1956 года монумент убрали. На его месте в год 20-летия Победы в Великой Отечественной войне поставили стелу с выбитыми в камне фамилиями двухсот жителей поселка, погибших в блокаду Ленинграда. Нередко между строчками букв рядом с чьей-то фамилией можно было видеть вложенные цветы, памятник стал народным. С большим удовлетворением говорю об этом, поскольку инициатива и организация его создания - дело рук моей матери, Валентины Ивановны Бодиной.

Наша улица – пыльная, поселковая дорога находилась в сотне метров от территории завода. Земля между улицей и заводским забором использовалась жителями под картофельные грядки. Мы, мальчишки, среди буйной зелени картофельной ботвы прятались, играя, конечно же, в войну. Одна из чьих-то грядок упиралась в обвалившуюся землянку, прятались и там. А однажды кто-то из мальчишек в этой землянке из-под осыпи вытащил ручной пулемет. Уже сильно поржавевший, с полусгнившим прикладом, сошки не складывались, и патронный диск отсутствовал. Пускай тяжелый, пускай ржавый, но это был настоящий пулемет! С каким восторгом мы падали с ним в траву и - та-тата-тата по «фашистам». А потом – Ура! Вперед! За Родину! За Сталина! Тогда так в кино наши солдаты шли в атаку.

Куда делся пулемет, не помню.

В очередной раз, играя рядом с заводским забором, кто-то из нас нашел небольшой неразорвавшийся снаряд, может быть от зенитки или «сорокапятки» - противотанковой пушки. Как он здесь оказался, непонятно. И опять – вперед! За Родину, за Сталина! Кидали этот снарядик, как гранату, не боясь. И вот подошел вечер, надо идти домой. Куда деть такую интересную игрушку? Я положил его под дом, в отдушину. А у бабушки там сохла какая-то палочка, она полезла за ней и достала снаряд. Принесла в дом, протягивает отцу, пришедшему с работы – Олег, что это?

Как говорят в таких случаях, - немая сцена.

- Где нашла? – спросил, расширив глаза под очками, бывший артиллерист.

- Под домом – спокойно ответила Бабуля.

- Дай мне.

И отец осторожно взял из руки своей матери эту страшную «игрушку». Вышел с ней куда-то из дома, вернулся минут через пятнадцать, строго взглянув на меня. Снаряд он, наверняка, выбросил в глубокий пожарный водоем, что был метрах в ста от нашего дома.

- Ты понимаешь, что мог убить всех нас?

- Он же не взрывается – глупо возразил я.

Не помню, чтобы отец меня как-то наказал. Но именно тогда я узнал от него, что совсем недавно на найденных в лесу минах подорвались двое ребят с нашего поселка. Отец говорил про войну, про то, как гибли на его глазах под разрывами снарядов, бойцы батареи и как его ранило на фронте. Страшную рану на спине отца с ямой вместо правой лопатки и шрамом до поясницы я помню до сих пор. Из-за неё он стеснялся ходить в баню и, пока у нас не появилась в доме ванна, мылся в заводском душе.

Слова отца, безусловно, дошли до меня. В другой раз, когда нами был найден еще один снаряд, действовали уже разумно.

Опять играем в войну. Вот я ползу между грядок и вижу торчащий из земли металлический конус. Интересно! Раскачал и в межу выкатился ржавый артиллерийский снаряд. Тотчас пять или шесть мальчишек окружили его, кто-то даже попытался поднять, не получилось – тяжелый. Мы с братом помчались домой, взяв с мальчишек слово, что они не будут трогать снаряд. Бабуля позвонила по телефону отцу и сообщила о находке. Запомнилось то, что мгновенно прибежали взрослые и загнали нас по домам.

В скором времени приехал армейский грузовик и из его кабины вышел офицер. Несколько немолодых уже солдат, возможно, «сверхсрочники» спрыгнули на землю из кузова, пошли к снаряду. Минут через пять офицер вернулся к собравшимся жителям улицы и попросил всех разойтись по домам. Ещё он предложил открыть окна, но не подходить к ним – снаряд будут взрывать на месте. Видимо, опыт войны давал офицеру гарантии безопасности для жителей нашей улицы.

Как это – не подходить!?! Интересно же! Хоть одним глазком, из глубины кухни...

Солдаты быстро вырыли траншею. На дно положили снаряд, из кузова машины насыпали песок и засыпали землей. Один сапер остался на месте, а остальные на машине отъехали метров на триста. Через несколько минут солдат наклонился, что-то поджог, а затем быстро побежал и прыгнул в старый неглубокий окопчик, что был рядом. Он даже не лег в него, а просто сильно пригнулся. Раздался сильный грохот, и земля полетела вверх огромными комьями. Это был настоящий взрыв, который я видел впервые в своей жизни. Прошло много лет, а, вспоминая, вижу огромный перевернутый ко-

нус земли, летящей вверх. И ещё – солдаты. Это были саперы, на-верняка, прошедшие войну. Так обыденно, спокойно, поджечь бик-фордов шнур и, пригнувшись в окопчике, в двадцати метрах от себя подорвать снаряд, мог только боец, прошедший войну. Господи, низкий поклон тем немолодым солдатам. Может быть, кто-то из них воевал под командованием моего дяди Вовы?

На следующее лето, через год после взрыва возле нашей ули-цы, двое мальчишек нашли в парке на берегу Ижорки такой же не-большой снаряд, как я запрятал под дом. Помню – Пашка Трушин – решил вбить снаряд в пень. Пристроил головкой вниз и ударил камнем. Говорили, взрывом его просто разворотило и отбросило метров на десять. Другому мальчишке – Валерке Нечаеву повезло, осколком только перебило сухожилие на ноге. Уже, будучи взрос-лым, он ходил прихрамывая.

На поселке очень легко можно было найти в земле ржавые па-троны, пулеметные ленты, диски от автомата, каски. Тогда это были наши игрушки. Однажды нашли бронезилет. Да, выпуска-ли и такое для наших бойцов во время войны. Он изготавливался из броневоего листа толщиной два или три миллиметра и выглядел как латы на русских сказочных богатырях. Верхняя часть облега-ла грудь и живот, а нижняя, в виде треугольника, крепилась к верх-ней кольцами и закрывала пах бойца. Спину тоже прикрывала об-легающая бронепластина, и все это стягивалось на теле по бокам с помощью брезентовых ремешков. Правое плечо было открыто для приклада оружия и замаха при броске гранаты. Уже после детства в Клубе УИФЗ на одном из стендов, посвященных войне, я увидел фотографию нашего солдата в таком бронезилете. Он стоял, при-жавшись спиной к кирпичной стене и, должно быть, готовился к броску в атаку – вперед, за Родину!

Я и мои сверстники выросли, но Война ещё долго напоминала нам о себе. Не оставляла она и своих ветеранов.

Помню, по выходе на пенсию в 1973 г. у отца появилось увле-чение – отдых на природе. Летом, к концу каждой недели он тер-пеливо ждал, когда я сообщу ему, что в выходные не буду занят по работе и у нас есть возможность поехать «на дачу». А, если ещё и мой служебный отпуск выпадал на летний период, радости отца не было границ. Он знал, что мы обязательно, взяв туристическую палатку, отправимся отдыхать на живописный берег реки Тосна, что впадает в Неву на 29-м километре Петрозаводского шоссе.

Когда-то, во время Войны здесь проходила линия обороны Ленинграда. Это была земля «Ивановского пяточка», защитникам которого не удалось надолго закрепиться во время попытки прорыва немецко-фашистской блокады Ленинграда. Там, на левом берегу, в месте впадения Тосны в Неву стоит обелиск в память о героях «Ивановского пяточка». К сожалению, в народе это место менее известно, чем «Невский пяточок».

От автобусной остановки мы шли по краю большого поля. Отец утверждал, что здесь была «ничейная полоса». Медленно с остановками проходили около 5-ти км вдоль берега реки и останавливались в самом живописном месте. На небольшой полянке ставили палатку. Вечером, после ужина у костра, закурив, отец, молча смотрел в темноту на противоположный берег Тосны, и почему-то обязательно вспоминал войну. Может быть от того, что обстановка вокруг была такой - недалеко в лесу за нашими спинами стоял поросший мхом немецкий бетонный ДОТ, амбразуры которого были обращены в сторону Ленинграда. Знаешь, - говорил отец – порой мне сейчас кажется, что все это было не со мной, а в кино.

Однажды он рассказал, как немцы загнали двоих наших пленных на минное поле, как они кричали и погибли, не добежав до своих.

Отец утверждал, что в начале войны немцы даже смеялись над нами. Под Новгородом, в Кречевицах немецкий самолет отбомбился деревянными чурками по нашему ложному аэродрому, на котором были установлены фанерные макеты самолетов.

Я навсегда сохранил в своей памяти рассказ отца о том, как его тяжело ранило под Ропшей осенью 1941 года. Вот он.

«Когда немцы начали артобстрел наших позиций, мы вместе с командиром батареи находился в небольшом окопчике, наблюдали за противником в бинокли. Первый снаряд разорвался впереди, второй сзади. Третий наш – успел сказать командиру – и точно, как будто доской шарахнули по спине. До сих пор у меня перед глазами «картинка», как папироса изо рта вылетает за бруствер. Очнулся на дне окопа, рядом никого – верно, подумали, что я убит, и кровь хлещет из рукава шинели. Первая мысль, которая пришла в голову - жалко, потерю много крови, надо бы ее остановить... Видимо, чтобы задержать кровь и, не понимая бессмысленность этого, зажал рукав шинели в кулак и полез наверх из окопа. Упал и потерял сознание, очнулся уже в медсанбате.

А потом было несколько операций в госпитале осажденно-го Ленинграда. На Большую землю эвакуировали самолетом через Ладожское озеро на гражданском «Дугласе», оборудованном под военно-санитарный самолет. Летели достаточно низко над водой. Раненые лежали на полу и в подвешенных носилках. В какой-то момент, вижу, один из членов экипажа спешно занял позицию стрелка, а затем открыл огонь, поворачивая турель пулемета. Понял, что нас атакуют немецкие истребители и мысленно попрощался с жизнью. Но, к счастью – обошлось, долетели благополучно».

Этот воздушный бой, как утверждал отец, описан в книге писателя Павла Лукницкого «Ленинград действует». Отогнать вражеские самолеты от их «Дугласа» тогда помог истребитель летчика П.А.Пилютова, в последующем Героя Советского Союза, именем которого названа одна из улиц Ленинграда.

Осенью 1967 года после окончания вуза я пришел работать на Усть-Ижорский фанерный завод, и через шесть месяцев был избран секретарём комсомольской организации этого предприятия.

Вспоминая пройденную жизнь, считаю необходимым отметить, что сам никогда никуда не рвался, карьеры, как говорят, не строил. Но почему-то меня находили и говорили – теперь ты нужен там-то... По жизни я шёл с принципом, заложенным в меня мамой, искрометной комсомолкой 30-х годов прошлого столетия – «прежде думай о Родине, а потом о себе», поэтому шагал туда, где был нужен.

Это были непростые времена для работы с молодежью. В Чехословакии набирала обороты «Пражская весна», провоцируемая западными спецслужбами. Чем могли закончиться эти неожиданные антисоциалистические настроения братского, как тогда говорили, народа, многие понимали. Ещё свежи были в нашей памяти события 1956 года в Венгрии. В газетах того времени публиковались снимки с улиц Будапешта – растерзанные тела сотрудников венгерских органов госбезопасности и подвешенные на столбах за ноги коммунисты. Скажу так - «волны» западной пропаганды доходили до молодёжи быстрее, чем комментарии наших государственных пропагандистов в СМИ. Да что там, сидела в нас какая-то успокоенность, не верилось, что братский народ когда-нибудь захочет возврата капитализма с его частной собственностью на всё. Наше поколение забыло, что это такое. Поэтому не только некоторые комсомольцы, но и отдельные коммунисты заявляли - пусть, мол, сами разбираются. Но «Пражская весна» не отступала. Разо-

брались только тогда, когда в Чехословакию были введены войска стран участников Варшавского договора. Впереди предстояло ещё многое узнать...

Какие задачи решались тогда комсомолом? Главным считалось воспитание в каждом молодом человеке духа коллективизма, ответственного отношения к труду и понимания необходимости общеобразовательного роста. Очень много внимания отводилось сплочению молодежи через организацию спортивно-оздоровительных мероприятий. В этой связи не могу не вспомнить человека, который много сделал, чтобы увлечь комсомольцев УИФЗ делом служения родине - бывшего фронтовика, Баскакова Василия Николаевича. На заводе он отвечал за т.н. гражданскую оборону и военную подготовку. С ним мы организовали много спортивно-массовых мероприятий, в т.ч. несколько лыжных пробегаов к местам боевой славы советских воинов, живых и павших в годы Великой Отечественной войны.

Василий Николаевич был скромным человеком, о себе рассказывал неохотно. Однако мне посчастливилось как-то «разговорить» его, оказалось - мальчишкой попал на Войну и закончил её в Германии. Не стану пересказывать его воспоминания, потому что это были страшные рассказы, особенно об одной из рукопашных схваток в немецком окопе. «Ты пойми - говорил он мне с горечью - я, 18-летний мальчишка, штыком убивал людей!»

О том, что этот «мальчишка» воевал храбро, говорили три ордена и целый ряд медалей, которые красовались по праздникам на парадном пиджаке Баскакова В.Н., К сожалению, он раньше возможного ушел из жизни, но в моей памяти Василий Николаевич сохранился как сильный духом, волевой человек, сумевший в полной мере передать нам необходимость готовиться к защите своей страны.

* * *

Руководить комсомольской организацией УИФЗ мне пришлось недолго, совершенно неожиданно позвали...

Как-то в середине 1968 года позвонил знакомый - Анатолий Касьянов. Я знал его как мужа одноклассницы, работающего на Ижорском заводе. Анатолий задал мне вопрос:

- Ты не хочешь перейти к нам на работу?
- Куда к вам? - не понял я.

- В уголовный розыск милиции. Ты разве не знаешь, где я работаю?

- Вот теперь узнал. Предложение неожиданное, надо подумать.

Признаюсь, в школьные и студенческие годы я увлеченно читал детективную литературу, с удовольствием смотрел кинофильмы из этой серии и даже мечтал о службе в милиции или КГБ. Тогда сотрудников этих органов изображали, смелыми, решительными, сильными и умными – исключительно положительными героями. Борьба с преступниками мне казалась интересной и необходимой. Придя домой, поделился поступившим предложением с родителями. Отец, подумав, сказал – решай сам. А мама расстроилась – у тебя изменится характер. Почему он должен был измениться, я тогда не понимал. Теперь могу только догадываться. Мама, возможно, считала, что работник УГРО обязательно должен быть суровым и жестким. А я, её сын, был не таким и, главное, мама не хотела, чтобы я стал таким.

На следующий день позвонил Анатолию Касьянову и высказал своё согласие работать в уголовном розыске. Прошёл медицинское обследование, собеседование с начальником Колпинского РУВД полковником Карповичем Семёном Ильичём и стал ждать дальнейших команд.

Прошло около двух месяцев, а меня в уголовный розыск не переводили. Касьянов А.М. говорил, что сам не понимает в чём дело. Кончилось тем, что я обратился с вопросом к начальнику РУВД полковнику Карповичу С.И., когда он приехал на завод для выступления, как тогда говорили, перед партхозактивом предприятия.

Семен Ильич сказал буквально следующее: «Понимаешь, секретарь Райкома Овсянников Юрий Иванович узнал о том, что ты переходишь к нам и пожаловался председателю Райисполкома Параничеву Александру Павловичу – мы, мол, уводим у Райкома комсомола кадры. Ну и Параничев, сам понимаешь, распорядился... Похоже, они имеют на тебя какие-то виды».

Стало немного жаль, я уже загорелся новой работой, но через какое-то время успокоился. И судьба распорядилась по-своему.

Поздней осенью 1968 года меня вызвали в Первый отдел завода, который занимался вопросами мобилизационной работы и воинского учета. Я знал о том, что в Военкомат уже вызывали моего однокашника по вузу Бурова Е.А. в связи с предстоящим призывом, как офицера запаса, на военную службу в авиацию, подумал – настала и моя очередь.

Вошел в кабинет, навстречу из-за стола поднялся приятного вида средних лет мужчина в штатском. Пригласил присесть, представился: майор КГБ Васильев Анатолий Александрович.

Живого, настоящего чекиста я видел впервые, не исключая, что на моём лице что-то отразилось. Майор Васильев понимающе улыбнулся и спросил:

- Как думаете, зачем я пригласил Вас?

- Наверно, хотите предложить мне работать в КГБ. Только, скорее всего, ничего не получится – брякнул откровенно я.

Теперь наступила очередь проявиться эмоциям на лице Анатолия Александровича

- Почему!?

- Не отпустит Райком комсомола.

Я коротко пересказал ему печальную историю оформления в уголовный розыск милиции. Мне показалось, что майор внутренне облегченно вздохнул, а потом произнес

- А Вы не говорите никому о моём предложении.

- Никому? И в Райкоме комсомола!?

- А зачем? Мы сами там договоримся. Главное, у Вас желание служить в органах КГБ есть?

- Если я нужен?.. Готов, хоть завтра!

- Нет, о «завтра», конечно, речи не идет. Нам же надо ещё проверить, пройдет ли Вы по состоянию здоровья, договориться с Райкомом комсомола и прочее...

Анатолий Александрович не сказал, но было понятно, что мне предстоит пройти так называемую спецпроверку. Он предложил не торопясь, дома заполнить бланк анкеты, составить подробную автобиографию и сказал, что встретимся через неделю.

Дома о предложении служить в КГБ я всё - же сказал, правда, только отцу. Он, как всегда, помолчал, а потом произнес – ты взрослый человек, решай сам, только хорошенько подумай.

Я видел, что отец хотел ещё что-то сказать, но не сказал, возможно, вспомнил про нашего деда, репрессированного в 1938 году органами НКВД.

До конца своей жизни, пока я служил в КГБ, он эту тему не затрагивал. Один только раз, когда мы сидели у костра на реке Тосне, отец вспомнил и заговорил о «Деле Ледантю», по которо-

му «проходил» дед - А.Г.Дмитриев. Помню, тогда отец сказал: «Начальник отдела НКВД в Старой Руссе решил выслужиться на заурядном интеллигентском фрондерстве некоторых знакомых твоего деда». Тогда же я услышал от отца вопрос, скорее, надежду: «Ты же у меня, сын, не такой?»

Думаю, моим родителям, живи они сейчас, не пришлось бы краснеть за меня. К слову, в том разговоре о «Деле Ледантю» он высказал мнение, что основания к аресту деда, вероятно, всё - же были. В квартире доктора Дмитриева иногда собирались его знакомые - старорусская интеллигенция и, конечно, вели всякие разговоры. Вряд ли они были направлены на подрыв советской власти, но к болтовне в период «ежовщины» органы НКВД относились «со всей пролетарской суровостью».

Итак, меня звали Родину защищать, и я шагнул навстречу судьбе. К этому времени я был избран в состав колпинского райкома комсомола, являлся кандидатом в члены КПСС. Совершенно неожиданно меня срочно, по повестке вызвали в Военкомат. Там объявили, что в течение двух недель как офицер запаса буду призван в армию. Ну вот, подумал, не видать мне службы в КГБ. Позвонил в райотдел майору Васильеву А.А. К телефону подошёл другой сотрудник и поинтересовался – что за вопрос у Вас? Коротко объяснил - призывают в армию и мое зачисление на службу в КГБ срывается. В ответ мне было предложено подъехать в Райотдел к сотруднику Степанову Алексею Степановичу.

Откладывать не стал, через час прибыл по указанному адресу. Мой новый знакомый встретил меня, провел в кабинет и сообщил, что Анатолий Александрович Васильев переведен на работу в Управление на Литейном проспекте и его дела принял он. С Военкоматом Степанов А.С. уже якобы договорился и мне не стоит переживать – зачисление в УКГБ состоится буквально на днях. Кстати, сказал Алексей Степанович, с Вами одновременно оформляется ещё один человек – Кулешов Николай Григорьевич, знаете такого?

Члена бюро колпинского Райкома комсомола Кулешова Николая Григорьевича, инженера-химика с Ленинградского мебельного комбината я знал давно и отлично. Мы были хорошо знакомы не только по совместной работе в комсомоле – на Фанерном поселке жили на одной улице, да и наши дома стояли рядом. Более того, семья Николая проживала в коммунальной квартире вместе с семьей моего старшего брата Александра. С Кулешовым Н.Г. мы встреча-

лись на заседаниях Райкома и часто вместе возвращались домой. Он знал, что меня вызывали в Военкомат по поводу службы в ВВС.

Так получилось, что через три дня после разговора со Степановым А.С. я должен был присутствовать на заседании Райкома комсомола. Пришел, занял свое место, гляжу – Кулешов пересылает мне записку – «Как у тебя дела с Военкоматом?» Отправил обратно с ответом: «Спроси у Степанова А.С.»

Изумление на лице Николая было непередаваемым. В перерыве он буквально бросился ко мне и искренне выразил радость по поводу того, что будем служить вместе.

Но на первых порах пошло немного иначе. Меня направили учиться в город Минск, в годичную школу КГБ СССР, а Николая оставили осваивать азы новой профессии на 4-х месячных курсах в Ленинграде. Завидовал ему, не любил я уезжать надолго из дома. Тем более, как сказали в отделе кадров Управления КГБ, дипломы мы получим практически одинаковые – о среднем юридическом образовании.

Весной 1970 года по окончании спецшколы я был назначен на должность младшего оперуполномоченного Колпинского райотдела Управления КГБ СССР по Ленинградской области. Мне поручили вести контрразведывательное обеспечение одного из крупных предприятий Ленинграда - Ижорского завода. Раскрывать секреты оперативной работы я не стану, а вспомню некоторых коллег, которые окружали меня в тот момент. Может быть, кому-то когда-нибудь захочется узнать – а какими были они, чекисты 70-х?

Начав службу в органах КГБ, я застал там поколение чекистов, которые прошли суровую школу Великой Отечественной войны. Одним из них был Степанов Алексей Степанович. Как положено, в 18 лет, уже в конце Войны он попал на фронт, служил в артиллерии, был ранен. Осколок перебил сухожилие запястья правой руки. От этого пальцы до конца не выпрямлялись. Но это не помешало Алексею Степановичу после выздоровления по окончании Войны быть призванным в органы госбезопасности. Долго служил в Эстонии, участвовал в борьбе с «лесными братьями», награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Алексей Степанович был характерным представителем гвардии старых чекистов. Высшего образования не имел и, как я понял из разговоров с коллегами, даже 10 классов заканчивал, посещая вечернюю школу рабочей молодежи уже в период службы в Колпи-

но. Погоны «капитана» носил лет 15 или даже больше. Какое-то время был у меня наставником. Наблюдая за Степановым А.С. во время его встреч и разговоров с различными людьми, я получил представление о том, как строили беседу старые работники госбезопасности.

Степанов А.С. никогда не повышал голос, но иногда, задавая вопрос, прищуривал глаза, приподнимал подбородок и добавлял в свой голос «металла». Так в кино показывали старых чекистов. Мне было понятно, что Алексей Степанович в этом случае тоже играл чекиста.

Как-то я спросил у него о применении в прошлом в органах НКВД-МГБ физических мер воздействия на подсудимых. На это, метнув в мою сторону непередаваемый взгляд, Степанов А.С. ответил: «Да, это было, только не пытки, а рукоприкладство. А куда оперработнику деваться? - существовал приказ Наркома, позволяющий применение таких мер, если были основания сомневаться в искренности человека. Чекисты тех лет практически все прошли Войну, фронт. У них сложилось определенное отношение к врагу. Чего там говорить – на всякий случай, конечно, «перебирали с бдительностью». После Войны, когда в руководстве МГБ поняли, что в этом плане начались «превышения», последовали соответствующие проверки, и за допущенные злоупотребления большое число сотрудников было уволено из органов. Приказ, конечно, отменили. Соответственно эти методы работы прекратились. Потом, после известного доклада Хрущева на XX съезде КПСС за соблюдением социалистической законности в работе КГБ стали строго следить партийные инстанции. В Минске вам об этом должны были говорить».

Задавал я Алексею Степановичу и вопрос о том, знают ли в «кадрах», что мой дед, Дмитриев А.Г. был репрессирован и как в этом случае меня взяли на службу в КГБ? В анкете про деда вопросов не было, я, по-моему, и не указал... Степанов ответил: «Не волнуйся, в твоём личном деле всё есть».

Однажды я получил от Алексея Степановича хороший урок профессиональной дисциплины. А было это так.

По делам мне надо было присутствовать на объекте оперативного обслуживания, и я ушел, оставив в кабинете на столе секретный документ. А с ним должны были ознакомиться другие сотрудники Райотдела.

Когда я вернулся, Алексей Степанович (выставив вперед подбородок) строгим голосом попросил дать ему на ознакомление тот самый документ. Я ответил, что у меня его нет, возможно, секретарь Отдела забрала. Степанов настаивал:

- У секретаря его нет. Ты единственный кто с ним успел ознакомиться. Если у тебя нет – значит, секретный документ пропал. Ты понимаешь, что говоришь?!

- Да нет его у меня!

- Ищи!..

Я перерыл весь свой сейф, ящики стола, газеты на столе - документ пропал. В отчаянии и надежде зашел к секретарю, уточнить, не забрала ли она? И тут слышу голос Степанова:

- Иди сюда.

Возвращаюсь в кабинет, Степанов приподнимает пачку газет, что лежали на столе, а под ними этот самый документ. Он хлопнул газетами по столу и сказал:

- В КГБ разгильдяем быть нельзя, это тебе не на комсомольской работе. Утрата секретного документа карается очень сурово.

Скорее всего, Алексей Степанович увидел оставленный мною на столе документ и забрал его. А потом, решив преподать урок бдительности, улучил момент и подложил его под газеты.

А вообще-то Степанов А.С. был добрым, простым человеком. Я сожалею, что мало расспросил его о Войне, о суровых годах борьбы с бандподпольем в Прибалтике. Как участнику Отечественной войны к юбилеям Победы ему дважды присваивалось очередное воинское звание. На пенсию Алексей Степанович ушел в чине подполковника.

Другим ветераном Отечественной войны, с которым мне довелось работать, был начальник Колпинского РО Посадский Анатолий Ильич. Высокого роста, несколько полноватый и с седой шевелюрой на голове. Держался всегда солидно, разговаривал неторопливо и, как мне кажется, тоже немного играл «чекиста». Но это у него получалось без перебора, таким тогда казалось и должен быть сотрудник органов госбезопасности.

Мне нравилось работать под руководством Анатолия Ильича. Он неоднократно говорил, что чекист не должен торопиться с выводами по поступившей информации, разбираться в ней тщательно и объективно.

Однажды, помню, распахнув дверь моего кабинета, распорядился: «Поехали на завод, там у тебя диверсия. Сидишь тут, ничего не знаешь...»

Оказывается, ему позвонил начальник «режимного» цеха и сообщил, что кто-то вывел из строя готовое к отправке военным изделие, т.н. «коробку», экспериментальный образец бронетехники.

Прибыв на место происшествия и, встретившись с начальником цеха, мы узнали от него, что на изделии выведен из строя поворотный узел крышки люка водителя. Сочленение деталей узла - металл был разорван!

Посадский А.И., не спеша поднялся на «коробку» и толкнул ногой крышку люка. Массивная крышка поехала в сторону и своим весом, по инерции, продолжила разрыв металла.

Анатолий Ильич, взглянув на начальника цеха, спросил:

- «Коробку» кантовали?

- Да, поломку обнаружили, готовясь к погрузке на платформу.

- Фиксацию крышки люка проверяли?

Начальник цеха растерялся, стал оглядываться на своих помощников:

- Не знаю...

- Ну, и где здесь диверсия? «Коробку» стали кантовать, массивная крышка «поехала» в сторону и разорвала слабое сочленение деталей. Дайте задание проектировщикам усилить узел поворота крышки. А отвечающим за погрузку изделия объявите взыскание.

Потом в машине, когда мы возвращались в Райотдел, Анатолий Ильич высказал свое мнение по этому случаю:

- Начальник цеха захотел уйти от ответственности за разгильдяйство своих работников. Вот и придумал «диверсию». С директором завода я переговорю, пусть разбираются...

К сожалению, долго поработать с Анатолием Ильичём у меня не получилось. В 50 лет его отправили на пенсию, хотя, как мне казалось, он был ещё полон сил и здоровья. Тогда редко, кого оставляли на службе в КГБ после 50-ти лет. При этом у Посадского А.И. не было диплома о высшем образовании. Перед Войной он окончил педагогический техникум и по жизни действительно был учителем.

Наставляя меня, как молодого сотрудника обязательно указывал на необходимость быть тщательным даже в мелочах. Вот – говорил

он – немцы во время войны, казалось бы, пунктуальный народ, а скрепки в документах, забрасываемых к нам агентов, ставили медные. В наших-то солдатских книжках скрепки были стальные. Поэтому «сыпалась» их агентура на проверке документов первым же «особистом».

К Посадскому А.И. с большим уважением относились партийный и советский руководители Колпинского района. В те времена ими были Таукин Б.П. и Параничев А.П. Первый из них всегда приходил в Райотдел на итоговые годовые совещания и выступал перед нами с определенными установками. Главной из них была – соблюдение соцзаконности в работе.

По-правде говоря, допустить нарушения в этом плане, надо было ухитриться. Диссидентского «движения» тогда ещё не было, как и каких-либо протестных акций среди жителей Колпина. Откровенных бандитов и рэкетиров в нашем обществе просто ещё не существовало. Мы занимались, если можно так выразиться, рутинной работой, в основном, защитой «закрытых» работ на соответствующих промышленных объектах района. Тем не менее, случилось всякое...

Помню, колпинская газета «Ижорец» опубликовала репортаж своего корреспондента с партийного собрания коммунистов одного из режимных цехов Ижорского завода. Среди прочего в заметке комментировалось выступление начальника цеха, назвавшего количество изделий, которое планировалось выпустить до конца года. По тогдашним понятиям, опубликование в открытом источнике таких цифр было страшной утечкой секретных сведений. По ним «вероятный противник» мог судить о количестве атомных подводных лодок, производимых СССР в год.

Сообщил о происшествии начальник 1-го отдела Ижорского завода Иванов Виктор Алексеевич. Он позвонил мне и доложил о ЧП. Как положено, я доложил Посадскому А.И.

Первый вопрос – как попал корреспондент в режимный цех?!

Ссылаясь на информацию Иванова В.А., сказал, что партийное собрание проходило на «не режимной» территории цеха.

Посадский А.И. распорядился быстро найти номер газеты, где была опубликована информация и, прочитав заметку, буркнул: «Пошли докладывать...»

Секретарь райкома КПСС (к тому времени) Тупицын Л.В., ознакомившись с газетой, немедленно вызвал к себе по телефону

главного редактора «Ижорца» Соколовского А.Я. и тут же при нас устроил ему «разнос». Тот буквально остолбенел, когда услышал о случившемся. Вот тут Посадский А.И. посчитал необходимым вмешаться и обратить внимание Тупицына на то, что дело не в газете, а в неправильных действиях начальника цеха. «Коль заговорил о секретах, так вычитай потом материал корреспондента. Этого, видимо, сделано не было...» Тупицын согласился и сказал, что начальник цеха в партийном порядке будет наказан. Досталось и присутствующему Иванову В.А., который «плохо работает с сотрудниками завода, допущенными к секретным сведениям». И нам с Посадским А.И. обеспечивавшим «своими специфическими методами» сохранность секретных сведений, тоже досталось.

Остановились на том, что «...информация утекла и всем надо сделать серьезные выводы. Подобного больше не должно повториться».

Вернувшись в отдел, Анатолий Ильич распорядился подготовить справку о случившемся для доклада в Управление. Судя по тому, что больше к этому ЧП он не возвращался, информация была принята к сведению, не более того.

Сегодня, смотря передачи телевидения и читая прессу, я отмечаю, что современные СМИ и их «кураторы» так бдительно, как когда-то мы, к информации не подходят. Правда, теперь при современных технических средствах проникновения к информации защитить её сохранность очень сложно.

Вспоминая тех, с кем довелось мне работать в Колпинском РО, обязательно должен сказать о начальнике 1-го отдела Ижорского завода Иванове Викторе Алексеевиче. До 1954 года он служил в МГБ СССР и занимал должность начальника Колпинского РО. А во время Войны работал в СМЕРШе Северного флота, обеспечивал безопасность одного из отрядов подводных лодок, участник нескольких боевых походов. Он чем-то напоминал мне Посадского А.И. - выше среднего роста, несколько полноватый с седыми, уже редкими волосами и высоким лбом.

Однажды, прохаживаясь по кабинету Райотдела, где я работал, заметил: «Знаешь, в мое время вдоль этой стенки был стеллаж с папками на конкретных людей. В них сосредоточивалась информация, поступающая от наших источников. Как только папка разбухала, это значило, что человек слишком часто попадает в поле зрения «органов». Папки снимали с полки и заводили дело. И, если

в процессе разработки информация о враждебных настроениях подтверждалась, человека арестовывали и судили. Вы сейчас так не работаете, а зря, слишком много болтунов развелось».

Как-то Виктор Алексеевич вспомнил и своего сменщика на посту начальника Колпинского РО – Гущина Михаила Николаевича. Я знал его, когда тот работал уже начальником 1-го отдела НИ-ИЭФА им. Ефремова. У Гущина был колочий, ироничный взгляд из-под густых с проседью бровей. Иванов В.А. вспоминал его так: «Гущин часто присутствовал на совещаниях у директора Ижорского завода. Сидел молча, что-то помечал в блокнотике. Директор давал ему слово последним. Гущин вставал, обводил всех участников совещания своим характерным взглядом, потом хлопал блокнотиком по столу и, как правило, произносил одну фразу – если не хотите получить 8 лет, делайте так, как сказал директор. Почему он угрожал именно таким сроком – было известно только ему, Гущину. Но присутствующие всё понимали, работать надо ответственно...»

И ещё - как-то я сказал Иванову В.А. о том, что мой дед в 1938 г. был репрессирован. Виктор Алексеевич, как мне показалось, разочарованно произнес: «Ну вот, ты будешь их жалеть...» Кого «их» - было понятно, тем не менее, своего хорошего отношения ко мне он не изменил. И вообще, должен сказать, что Иванов В.А. на меня производил впечатление умного человека, объективно относящегося к окружающим, совсем не похожего на чекиста-«сатрапа», каким иногда изображают ветеранов органов госбезопасности 30-х, 40-х годов.

Не могу не вспомнить секретаря-делопроизводителя Екатерину Васильевну Львову. В райотделе она начала работать с 1942 года, в самый тяжелый период немецкой блокады Ленинграда. Спокойная, уравновешенная женщина, муж рано ушел из жизни, поэтому воспитывать единственную дочь Татьяну ей пришлось одной. Как-то однажды в разговоре со мной у Екатерины Васильевны вырвалось – «на женихов с этой работой времени не хватило».

И снова себя ругаю себя за то, что в свое время не поговорил с Е.В.Львовой о годах Войны и послевоенного периода. В 1973 г., после моего перехода в Управление, Екатерина Васильевна по состоянию здоровья запросилась на пенсию. Найти на место секретаря новую сотрудницу было не простым делом.

В марте 1973 года приказом начальника Управления КГБ при

Совете Министров СССР по Ленинградской области (тогда таким было полное наименование УКГБ) я был переведен в 5-й Отдел Управления, Службой он станет позднее. Откровенно скажу, что уходил на новое место с некоторым сожалением – все-таки за три года работы по контрразведывательному обеспечению Ижорского завода привык к своему участку оперативной деятельности и коллегам-сотрудникам.

Но и в 5-м Отделе Управления мне выпала честь служить с очень интересными людьми – ветеранами Великой Отечественной войны. Один из них – Бриллиантов Анатолий Васильевич, человек-легенда, участник разведывательно-диверсионной группы Ленинградского УНКВД «Лужане», воевавшей в фашистском тылу на территории Новгородской области. В моей библиотеке есть целая книга о её действиях, которую я прочитал с большим интересом, ещё работая в Колпинском райотделе.

Анатолий Васильевич – скромнейший человек. Однажды я, как секретарь партийной организации ИАС, попросил его выступить перед группой наших молодых сотрудников. Он некоторое время отказывался, а потом согласился – слушали буквально затаив дыхание.

Последние годы службы А.В.Бриллиантов работал в архивном подразделении нашего Управления, и я частенько – по делам, да и просто так – поприветствовать, заглядывал к нему. Но времени, как всегда, не хватало, чтобы обстоятельно поговорить. Помню, однажды, я задал ему какой-то вопрос об эпизоде партизанской засады, вычитанном в книге «Лужане». Он нахмурился, а потом, как когда-то мой знакомый по периоду комсомольской работы фронтовик Баскаков В.Н., с горечью сказал: «Если бы ты видел, Юра, сколько мы народу тогда положили...» Анатолий Васильевич говорил о немецких солдатах. И в тот момент я подумал – наверно, это характерная черта русского человека жалеть поверженного врага.

Сегодня, с вершины пройденных лет я рекомендовал бы Совету ветеранов Управления найти возможность, чтобы распространить среди молодых сотрудников ту самую книгу – «Лужане».

Ещё об одном ветеране – Зайцеве Викторе Ивановиче я обязан сказать особо. Летчик-штурмовик, войну закончил на Дальнем Востоке после Победы над Японией. Наши рабочие столы в кабинете стояли рядом. И однажды, не без гордости он показал мне старую фронтовую газету с заметкой: «Стрелять и бомбить как летчики Агабабов – Зайцев».

В отделении Виктора Ивановича «за глаза» называли «учителем». Будучи заместителем начальника отделения, он отвечал за организацию т.н. внешкольной профессиональной подготовки сотрудников. И внешне был похож на учителя. Высок, подтянут, энергичен, с седой шевелюрой волос, всегда аккуратно, «с иголочки», одет, да и разговор с нами строил как учитель. Несомненно, жизненный опыт и высокий уровень эрудиции давали Виктору Ивановичу это право. Мне imponировали его интеллигентность, внутренняя энергия, постоянная работа над собой, в т.ч. и в спортивной подготовке. Выйдя на пенсию и устроившись на работу в интуристовскую гостиницу, Зайцев В.И. в дополнение к английскому и немецкому языкам, которыми владел как переводчик после окончания вуза, в необходимых пределах освоил итальянский. И сейчас в свои 96 лет Виктор Иванович выглядит молодцом, не поверите - до глубокой осени плавает в озере, расположенном недалеко от его дачного участка, катается на лыжах и коньках, увлекается художественной лепкой и рисованием, управляет личным автомобилем, работает на компьютере, постоянно следит за политическими событиями в стране и ведет историко-поисковую деятельность.

С недоумением задаю себе вопрос: «Почему Виктору Ивановичу в свое время не присвоили звание «Почетный сотрудник госбезопасности»? Все руководители отделения, кто шел следом за ним, такой чести были удостоены, а он – нет. Да за одно участие в Войне, во время которой летчик-штурмовик за определенное количество боевых вылетов получал звание Героя Советского Союза, Зайцеву В.И. можно было присвоить «Почетного чекиста». Обо всем этом я говорил с председателем ветеранской организации Службы, обещал разобраться...

В сентябре 2001 года, когда у меня, как говорят, за спиной уже были 20 лет работы в Колпинском райотделе, 5-й и в Информационно-аналитической службе Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, меня опять позвали...

Начальник Инспекции Суколин Александр Николаевич предложил перейти в его подразделение и занять освободившуюся должность старшего инспектора, отвечающего за подготовку и проведение заседаний Коллегии при начальнике Управления. Не буду скрывать, данное предложение понял как признание моих определенных заслуг на линии оперативно-служебной деятельности. На тот момент я уже 6 лет занимал в определенном смысле «пенсионную» должность - консультант 1-го отдела ИАС УФСБ.

Напомню, тогда в стране набирала обороты т.н. «перестройка», новые власти трясли органы госбезопасности из всех сил, а мы пытались быть незаметными среди управленческих структур государства, закрывали работу на тех или иных направлениях своей прежней деятельности, сокращали и называли по-новому должности оперативного состава – лишь бы нас не трогали... Но в целом проблемы в сфере государственной безопасности как были, так и оставались актуальными для страны, и их надо было решать. Я, например, в ИАС занимался анализом обстановки в сфере деятельности организованной преступности на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Будучи «консультантом» в сугубо аналитическом подразделении, тем не менее, согласно занимаемой должности в полном объеме осуществлял оперативную работу, в т.ч. с негласными источниками информации. В частности, буквально за месяц до предложения, поступившего от Суколина А.Н., один из моих помощников сообщил сведения, которые Управление направило в ФСБ России, а Центр в свою очередь доложил эту информацию в Правительство страны. В итоге, по распоряжению бывшего тогда зампреда Правительства РФ Маслюкова Ю.Д. в Санкт-Петербург прибыла государственная комиссия для решения выявленной УФСБ проблемы. В то смутное время полученный конкретный результат в работе исключительно стимулировал службу в органах государственной безопасности.

Словом, я должен был оставить очень интересный участок работы. Правда, и новая линия, как представлялось, была еще более ответственной и разноплановой. Жизненный и служебный опыт подсказывали, что там главным будет оценка деятельности подразделений на линиях работы; подготовка решений Коллегии Управления, направленных на совершенствование и повышение эффективности этой деятельности, а также контроль выполнения принятых Коллегией решений. Тогда еще реализовывалась известная установка Ленина В.И. – «Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей нашей политики».

Первый опыт общения с Инспекцией я имел в 1970 г., когда работал в Колпинском райотделе тогдашнего УКГБ ЛО. Ее сотрудник – старший инспектор Иванов Александр Васильевич изучал правильность ведения нашим оперативным составом т.н. литературных дел. В одном из моих дел инспектирующий вскрыл приобщенный, но якобы не проверенный до конца сигнальный материал, причем

террористического характера. Мне, начинающему «оперу» и начальнику райотдела Лысову Геннадию Федоровичу больших трудов стоило доказать проверяющему, что сигнал проверен полностью и закрыт как не подтвердившийся. А то, что на материалах не оказалось согласовывающей подписи руководителя линейного подразделения УКГБ ЛО – пришлось признать, как недоработку. За это я получил устное замечание от начальника райотдела. К слову, за весь дальнейший период службы я больше таких взысканий не получал, урок пошел на пользу.

Возвращаясь немного назад, скажу следующее.

С начальником Инспекции Суколиным А.Н. я был знаком уже несколько лет. Он и сам перешел туда недавно, а до этого занимал должность начальника 1 отдела ИАС, т.е. я уже служил под его непосредственным руководством. Работалось нам вместе легко, поскольку Александр Николаевич весьма уважительно относился к имеющемуся у меня опыту предыдущей оперативно-служебной деятельности, а также многолетнему руководству партийной организацией 5-й Службы, а затем и ИАС. Да и сам Суколин А.Н. имел за плечами солидный опыт оперативной работы в «промышленной» контрразведке, а также и масштабной управленческой в ИАС УФСБ ЛО.

Неторопливый в суждениях он был исключительно тактичен в общении с подчиненными. Как и положено руководителю, требователен к исполнительской дисциплине сотрудников и всегда настаивал на необходимости их творческого подхода к порученному делу. Импонировало мне и то, что Александр Николаевич поощрял занятия своих подчиненных спортом, сам имел страстное увлечение - охоту, которой иногда урывками посвящал свободное от работы время.

К моему приходу в Инспекцию Суколина А.Н. удалось сформировать дружный и работоспособный коллектив. Я с большой симпатией и уважением всегда вспоминаю тогдашних моих коллег, не раз оказывавших мне помощь словом и делом при подготовке заседаний Коллегии Управления. Каждый из них, выполняя свои непосредственные контролирующие обязанности, прекрасно владел обстановкой в Службах, отделах и районных подразделениях УФСБ, знал сильные и слабые стороны деятельности оперативного и руководящего состава на направлениях и линиях работы. Информация, которую мне «подкидывали» товарищи в процессе подготовки за-

седания и очередного проекта решения Коллегии, зачастую была бесценной по своему содержанию и объективности.

Кстати, об объективности. В период моей работы в Инспекции это был главный критерий оценки ее руководством деятельности сотрудников, как при проверке работы подразделений, так и при составлении отчетов по ее результатам. Впрочем, имеющаяся у меня информация о работе других руководителей Инспекции, дает основания утверждать, что и предшественники Суколина А.Н. также трепетно относились к проблеме объективности проверок оперативно-служебной деятельности подразделений Управления. Авторитет и честь Инспекции должны были быть непоколебимыми, тем самым обеспечивалась эффективная и безупречная работа всего Управления.

А разве могло быть иначе, если в 1946 году у истоков теперешней Инспекции - Контрольно-инспекторского отделения при начальнике УМГБ ЛО - стояли чекисты, как говорится, первого призыва, а также прошедшие Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. В их числе Смирнов Михаил Михайлович - первый начальник КИО; старшие уполномоченные Гордеев Николай Игнатьевич, Князев Василий Петрович, Клементьев Михаил Михайлович, а также оперуполномоченная Ширяева Мария Дмитриевна. Представляется, что о каждом из них можно было бы написать книгу, да только информации сохранилось мало.

На сегодня известно, что Смирнов Михаил Михайлович, 18.09.1898 г.р., уроженец Санкт-Петербурга, был участником 1-й Мировой войны. На чекистской работе с 1922 г.(!) За боевые заслуги в 1932 г. награжден именованным оружием. Во время Великой Отечественной войны 1941-45 гг. служил в Особом отделе 24-й стрелковой дивизии, защищавшей Ленинград. С 1946 и до 1956 года проходил службу в УМГБ-УКГБ ЛО. На пенсию вышел в звании «подполковник» с должности заместителя начальника секретариата УКГБ ЛО.

О Князеве Василии Петровиче тоже осталось мало сведений. Родился в Одессе в 1903 году. В 16 лет пошел служить в Красную армию, вначале был музыкантом, а затем бойцом одного из кавалерийских полков, воевавших на Южном и Польском фронтах.

В феврале 1931 г. по партийному набору направлен в органы ОГПУ. Служил в Особых отделах РККА на Украине и Урале. В 1939-40гг. участвовал в т.н. «Зимней войне» с Финляндией, на-

гражден орденом Красной Звезды. В 1944 г. из Особого отдела Ленинградского фронта был переведен в Ленинградское Управление НКГБ. Здесь с 1946 по 1948 год проходил службу в Инспекции. На пенсию вышел в июне 1949 г. с должности заместителя начальника отделения (современная Служба РАФ).

Ширяева Мария Дмитриевна, 1906 г.р., уроженка Вологодской области службу в органах государственной безопасности начала с 1931 г. В период с 1940 по 1946 год работала в должности оперуполномоченного Секретариата УНКВД-УМГБ ЛО. С октября 1946 г. и до выхода на заслуженный отдых в марте 1960 г. исполняла обязанности секретаря-референта КИО, проходила службу на инспекторских должностях Секретариата УМГБ-УКГБ ЛО.

Сегодня мне хочется вспомнить и тех сотрудников Инспекции, которые скромно, но эффективно, «без шума и пыли» выполняли свою нелегкую работу по обеспечению безупречного решения Управлением стоящих перед ним задач.

Именно таким был – Лукин Павел Леонидович, юношей переживший фашистскую блокаду Ленинграда. Уже в 1942 году, в 16 лет он, токарь завода № 848 был награжден медалью «За оборону Ленинграда». В 1945 г. принят на службу в органы государственной безопасности и назначен на должность оперуполномоченного «Ленинградского района МГБ» - было в свое время и такое структурное деление нашей «системы». А потом Павлу Леонидовичу предстояло пройти долгий путь службы в районных отделах Ленинградской области и 5-й Службы УКГБ ЛО. И еще 12 лет он проработал в Инспекции Управления - с 1975 по 1987 год, вплоть до увольнения из органов госбезопасности по состоянию здоровья. К сожалению, в 1994 г. Павел Леонидович ушел из жизни.

По линии ветеранской работы я был лично знаком с Виноградовым Михаилом Михайловичем, отдавшим Инспекции три последних года своей службы в органах государственной безопасности. Уйдя на пенсию в 1959 году, он продолжал участвовать в работе Совета ветеранов Управления. С большим интересом слушали мы его рассказы о военном времени и деятельности Ленинградского УНКВД в этот период. В частности, разоблачении по делу «Капитулянты» в блокадном Ленинграде группы агентов разведорганов фашистской Германии. Опять скажу – жалею, не успел расспросить его об участии в борьбе с националистическим подпольем в Прибалтике в 1945 году, куда он был откомандирован на полгода.

По результатам этих нескольких месяцев службы Михаил Михайлович был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Данная награда была не первая и не последняя. Ещё в 1942 г. младший лейтенант УНКВД ЛО Виноградов М.М. был награжден медалью «За оборону Ленинграда», а в послесталинский, непростой 1954 г. орденом Красной Звезды - за безупречную службу в органах МГБ СССР.

Уверен, что многие вспомнят Сысуева Анатолия Павловича, десять лет прослужившего в должности начальника Инспекции Управления КГБ. Свой чекистский путь он начал в 1944 году в должности рядового сотрудника «семерки» УНКГБ по Кировской области, затем - оперуполномоченного, старшего оперуполномоченного и заместителя начальника отделения контрразведывательной Службы УКГБ ЛО. Характерно, что в этой последней должности в 1970 г. Анатолию Павловичу было присвоено звание Почетный сотрудник госбезопасности, а в 1971 г. его наградили орденом Красной Звезды. Казалось бы, время – мирное, а награды боевые. Вот и в представлении к ордену указано: «За заслуги в деле обеспечения государственной безопасности страны». Страны!

Не раскрывая всего, скажу, что в период 1967-69 гг. контрразведывательным подразделением, которым руководил Сысуев А.П., был выявлен ряд лиц из числа немецких военных преступников, проживающих на территории Западной Германии, а также более десятка бывших немецких пособников - карателей, действовавших на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной войны. Тогда эти события не считались такими уж далекими и, как показывало время, не все преступники понесли свое заслуженное наказание.

С Анатолием Павловичем по службе мне приходилось редко общаться, разве что, на крупных партийных мероприятиях Управления. Невысокого роста, с слегка вьющимися, светлыми волосами и открытым лицом русского человека. Запомнился он мягким, негромким голосом и своей неторопливостью, обстоятельностью в выступлениях на тех самых партийных мероприятиях. Кстати, в ранних служебно-партийных характеристиках Сысуева А.П. критиковали, указывая на его якобы недостаточную требовательность к подчиненным. Но сейчас представляется, что это было веление того времени – в характеристике обязательно должно было что-то указываться в порядке критики. А он просто умел находить такие формы общения со своими сотрудниками – без крика и «крепких» слов.

Не случайно интеллигентному начальнику Инспекции Сысуеву А.П. была поручена координация деятельности подразделений УКГБ ЛО по привлечению и использованию СМИ Ленинграда для обеспечения чекистских мероприятий в целях повышения, как тогда говорили, политической бдительности трудящихся города и области. Нашел себя Анатолий Павлович и в том, что в течение длительного времени возглавлял в Управлении «Общество любителей книги». Он был одним из действительных консультантов у создателей известного кинофильма «20 декабря», посвященного зарождению органов государственной безопасности молодой советской республики. Это там, где роль Ф.Э.Дзержинского исполнял народный артист РСФСР Козаков М.М.

Закончил свою службу Сысуев А.П. в 1986 году в должности офицера связи Представительства КГБ СССР при МГБ ГДР. Как воин-интернационалист - не побоюсь этих слов – 07.10.1983 г. был награжден медалью «За безупречную службу в Национальной народной армии ГДР».

К сожалению, после тяжелой болезни Анатолий Павлович в 2018 году ушел из жизни.

Быстро летит время. Подводя итоги пройденному пути, считаю необходимым заметить, что во многом свою ответственность за порученное дело и непосредственную причастность к решению масштабных проблем, стоящих перед Управлением в целом, я почувствовал благодаря старшим товарищам, о которых рассказал выше. Но сегодня безмерно благодарен и всем тем, кто шел рядом со мной по жизни, помогая делать большую и нужную Историю нашей Страны.

Иванов Юрий Дмитриевич

Родился в 1937 году в г. Олонец, Карелия.

Окончил 1 Ленинградское артиллеристское училище, Высшую школу КГБ.

Полковник в отставке. Ветеран Афганской войны.

«Я с детства никогда не позабуду этот ужас...»

Карелия является Родиной для многочисленной семьи Ивановых. До войны, в период летних школьных каникул все внуки собирались в г. Олонце, в доме у деда Павла и бабушки Евдокии. Жили дружно, весело и беззаботно. На фотографии 1939 года мои родные и двоюродные братья и сестры. Я на руках деда.

Папу в 1940 году перевели в г. Лодейное Поле и мы нашей семьей переехали к нему жить.

Мне было всего 4 года, но я помню, как началась война. Был летний день, и мы с сестрами и братьями, с разрешения дедушки и бабушки, пошли купаться на реку Свирь. Через некоторое время увидели какой-то самолет, с крестами, который что-то сбрасывал вниз на город. Через несколько мгновений прозвучали оглушительные взрывы. Было очень страшно, мы побежали домой. Это была первая бомбежка, которая запомнилась на всю мою жизни. Вскоре домой прибежала взволнованная мама и плача сказала, что началась война. В ближайшие часы уходит поезд и нам нужно срочно собрать вещи и предметы первой необходимости, количество которых на каждого человека ограничивалось. Взрослые не знали, куда нас отправляют. Было лето и поэтому в спешке, мы не взяли с собой теплые вещи и обувь, постельные принадлежности, книги, тетради, учебники.

Нас быстро погрузили товарный вагон - теплушку, в котором уже находилось два солдата и старшина, сопровождающие небольшой груз с военным снаряжением. Мы были взволнованы и голодны. Один из военных принес нам кусок хлеба, селедку и кипяток. Мама сказала нам: «Не отказывайтесь от того, что вам будут давать – мы теперь беженцы». По пути следования поезда было несколько взрывов, мы весь этот ужас переживали лежа на нарах. Машинист поезда, при приближении вражеского самолета, предупреждал длинными, тревожными гудками. Он периодически тормозил, затем снова увеличивал скорость. Во время одного из таких резких торможений я упал со второй полки и приземлился в стоящий там круглый таз, который быстро закрутился, как юла, в сторону открытых раздвижных дверей теплушки, меня могло выбросить из

вагона, но быстрая реакция старшего брата спасла от беды.

По мере удаления поезда на север бомбежка прекратилась. В вагоне, кроме военных, была наша семья: мама, Иванова Вера Михайловна, ей было всего 34 года, и мы, дети - две сестры, четверо братьев и родители папы. Старшей сестре было 14 лет, а младшему брату всего 4 месяца. Через несколько дней прибыли на небольшую таёжную станцию Летнеозерская, Архангельской области.

Нас разместили в 3-х небольших комнатах длинного барака. В населённом пункте электричество отсутствовало. Для освещения помещений использовались керосиновые лампы, а при отсутствии керосина – лучины. В доме было печное отопление. Воду приходилось приносить из колодца. Морозы были очень сильными, метели заметали снегом под самую крышу дома.

Все члены семьи познали голод, холод и нужду. Добрые соседи иногда угощали нас картошкой, ягодами, грибами. Приносили некоторые вещи, но они были не по росту, больших размеров. Мама ночами подгоняла их для каждого из нас.

В 1944 году я пошел в первый класс в одежде, перешитой с чужого плеча, а на ногах галоши. В школе учебников на всех не хватало. Писали карандашами и перьевыми ручками. Вместо чернил использовали чернику и сажу.

Отец был на фронте, поэтому основная нагрузка легла на плечи мамы. Её, как специалиста по финансам, взяли на работу в бухгалтерию местного леспромхоза, зарплата была мизерная. Мама проявляла заботу о каждом из нас. Ей нужно было всех успокоить, одеть, накормить и уложить спать. Она сумела сплотить семью и приучить нас, детей, к труду и бережному отношению друг к другу. Мы все вместе пилили, кололи и носили дрова, ходили в лес за грибами и ягодами, а также на рыбалку. Весной 1942 года дружно сажали глазками картошку, а потом убирали ее. На зиму делали заготовки ягод, грибов, а также дров, сена, веников. Местные жители по-доброму к нам, бескорыстно помогали, чем могли. Сосед подарил маленькую козочку, которая выросла и стала давать молоко.

Эти и другие воспоминания детства, сохранились в моём сердце и в памяти навсегда. Насколько война глубоко ранила сердца детей, свидетельствовали многочисленные факты их отказа от изучения в школе немецкого языка.

Тяготы и суровые условия жизни семьи во время войны и после неё, переживания за отца, забота о детях и близких, подорвали здоровье мамы. В 1974 году она скоропостижно скончалась от

обширного инфаркта, на 64 году жизни. Она была превосходной мамой, неутомимой труженицей, надёжной боевой подругой и спутницей в жизни папы.

Эта трагедия ещё крепче сплотила всех нас.

Как-то раз обратился я к маме,
«Расскажи, как жилось нам во время войны?»

Руки вздрогнули, взгляд напряженный.

Неожиданно, с горестным стоном

Из души вырвалось громкое - «О-ох».

Долго, трудно на севере жили,

Был и голод, и холод порой...

Только знали, отец не погибнет,

И домой он вернётся живой!

Он вернулся, он выжил, пришёл.

Был контужен, был ранен, но всё же

До Берлина тогда он дошёл!

Ордена и медали, и раны

Были все у него на груди.

Рано боль и нужду все мы узнали,

Только всё уж теперь позади.

От любой напасти заклиная,

защищала нас она от пуль и бед,

Нет не Богоматерь, а земная,

МИЛАЯ, РОДНАЯ и СВЯТАЯ МАМА!

Мы, дети войны, всегда бережно относились к родителям и гордились ими.

Наш отец - Иванов Дмитрий Павлович 1901 года рождения, в 1919 году, был призван в Красную Армию и направлен для службы в части особого назначения (ЧОН). После демобилизации работал в Карелии в городе Олонец уполномоченным по заготовкам, затем ликвидатором неграмотности, в суде, в военкомате.

В 1938 году был призван в Красную Армию, участвовал в Финской войне. Папа владел финским языком, служил в разведотделе дивизии. За успешное выполнение ряда заданий командования был представлен к внеочередному воинскому званию - старший лейтенант.

Отец рассказывал, что в финской войне наши воины проявляли мужество и доблесть, но по причине неподготовленности тылови-ков к зиме, войска своевременно не были обеспечены теплыми ви-дами одежды и другими видами довольствия.

Финны отчаянно сопротивлялись. Они заранее подготовили для снайперов тщательно замаскированные боевые точки на деревьях, их называли «кукушки», что позволяло вести эффективный прицельный огонь по нашим военнослужащим и блокировать их перемещение по полю боя. Поэтому бойцам часами приходилось лежать на мерзлой земле в окопах, не снимая белые маскировочные халаты. Многие из них погибали, выжившие страдали от цинги, простудных заболеваний и других болезней.

После демобилизации папа работал заместителем директора нефтебазы в г. Лодейное Поле Ленинградской области.

В 1941 году отец вновь был призван в Красную Армию и направлен на Волховский фронт. Затем воевал в составе 1-го Украинского фронта. Он прошёл боевой путь до Берлина, несколько раз попадал в госпитали по причине ран и болезней, где восстанавливался и возвращался на фронт. Так, в грохоте снарядов, свиста пуль и разрывов авиабомб, отец мужал, набирался боевого опыта. Это не осталось незамеченным, ему было присвоено воинское звание майор.

За свои подвиги он был награжден двумя орденами Отечественной войны - первой и второй степени, орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией» и другими.

Не по наслышке знаю я от папы о войне -
С боями он прошел до самого Берлина.
Они победу принесли родной стране!
Врагу сказали: «Мы непобедимы!»
Мне раньше искренне казалось,
Что папа будет долго жить,
Но, сожалению, праздник – ДеньПобеды
Он никогда уже не сможет больше посетить.
От нас уходят ветераны,
Их ордена лежат - как память,
Но вновь идёт Бессмертный полк,
И на портретах в орденах,
На нас глядят отцы и прадеды, и деды.
И в этот праздник вся страна пойдет
В одном строю с ПОЛКОМ ПОБЕДЫ!!!

В семейном архиве сохранится копия рапорта отца, от 14 сентября 1945 года, на имя командования, с просьбой демобилизовать его из Вооруженных Сил в связи с окончанием войны. Папа писал: «Имея 44 - летний возраст, шестерых детей и инвалида жену, будучи оторванным от семьи с 1938 года, ввиду нависшей над Родиной опасности, по окончании войны по семейному долгу я обязан поддержать семью материально и духовно, обязан дать детям образование и сносную жизнь. Проявлять повседневную отеческую заботу о детях, а жену освободить от непосильных трудов, стоивших ей здоровья по содержанию и воспитанию детей в столь тяжелые дни Отечественной войны. В случае мотивированного отклонения моего ходатайства о демобилизации, прошу Вас о предоставлении положенного отпуска для устройства семейных дел по приведенным мотивам. Отпуском не пользовался более 7 лет, с 1938 года».

После окончания войны отец вернулся к семье только в ноябре 1946 года.

Руководством Ленинградского «Главнефтесбыта» он был назначен директором нефтебазы в г. Кексгольм, Ленинградской области, ныне - Приозерск.

Благодаря усилиям мамы, а после войны и отца, все дети получили достойное образование. Старшие - окончили техникумы, младшие - получили высшее образование.

До конца своих дней папа поддерживал связи со своими однополчанами. Трудился в Совете ветеранов Великой Отечественной войны, выступал перед молодежью, активно участвовал в общественной жизни города, был депутатом местного Совета, работал судьей и в комитете народного контроля.

Папа прожил трудную, но достойную жизнь. Я горжусь отцом и берегу память о нём. Он всегда был и остался для нас, его детей, образцом мудрости, выдержанности, честности, порядочности и высокой культуры.

Вся жизнь отца, его подвиги в период службы в Красной Армии в гражданскую, финскую и Отечественную войны, побудили меня принять твердое решение - поступить в военное училище и посвятить себя служению Родине.

В 1955 – 1958г.г. я обучался в 1-ом Ленинградском артиллерийском училище. После его окончания получил назначение в 64 гвардейскую мотострелковую гвардейскую дивизию, 30-го Армейского корпуса, дислоцированную в п. Саперное, Ленинградской области,

на должность командира топографического взвода батареи артиллерийской инструментальной разведки при командующем артиллерией дивизии.

В 1961 году дал согласие на перевод в военную контрразведку и убыл на учебу в Новосибирскую школу КГБ. После её окончания вернулся в Ленинград и был направлен на должность оперуполномоченного Особого Отдела КГБ 80 погранотряда, в Муезерский район Карелии. В апреле 1962 г. познакомился со своей будущей женой, очаровательной Галинкой.

Она рассказала мне, что и в их семью прошедшая война принесла много горя и беды. Её отец, Смирнов Леонид Иванович, окончил Тбилисское артиллерийское училище. В 1939 принимал участие в финской войне. В 1940 году был назначен в артиллерийский гаубичный полк, дислоцированный в г. Витебске. В апреле 1941 года он женился на Галиной маме. 22 июне 1941 г. воинская часть, в которой служил её отец, была поднята по тревоге и сразу вступила в бой с фашистами.

Галиной маме, как жене офицера, разрешили эвакуироваться в Новосибирск, вместе с бабушкой.

Через некоторое время на имя Галиной матери пришла похоронка, сообщалось, что её муж героически погиб на поле боя. Чуть позже похоронки о гибели сына – летчика, а также дочери, пришли на имя бабушки.

Эти известия подорвали здоровье женщин. На их долю выпали серьезные испытания. Пришла зима, теплой одежды и обуви не было. Голодали все - и взрослые, и дети, так как был приказ «всё для фронта».

В январе 1942 года родилась Галя, отец так и не узнал о том, что у него появилась дочь. Галину маму, имеющую медицинское образование, взяли на работу в военный госпиталь.

После войны, в поисках лучшей жизни, они сменили несколько мест проживания и прибыли в Карелию, где я и встретил Гаю.

После регистрации брака мы уехали на пограничную комендатуру в деревню Лубосалми. Условия жизни там были спартанские: печное отопление, отсутствие электроэнергии, бездорожье, глухомань. Первые трудности, с которыми мы с Галей встретились во время службы в погранвойсках, не испугали нас, так как мы – дети войны и научились с детства выживать в любых условиях. Умели топить дровяные печи, носить воду из колодца, пользоваться керосиновыми лампами, ходить на лыжах, передвигаться пешком на

большие расстояния. Эти трудные условия жизни закалили нас, научили бережному отношению друг к другу, они укрепили наши семейные узы.

После службы на границе, меня многократно переводили на новые места службы, для оперативного обслуживания военных объектов, более важных по значимости. Службу проходил в Особых отделах.

При переездах к новым местам службы определенные неудобства испытывала моя семья – жена, Иванова Галина Леонидовна, сын и дочь. Супруга во всём поддерживала меня, не роптала при новых переездах, очень заботилась о детях, создавала все условия для нормальной, спокойной, комфортной и счастливой жизни.

Наш сын - Александр окончил Военный институт физкультуры, дочь – Анечка, музыкальное училище.

К сожалению, в 1989 г. в семье произошла трагедия, в автокатастрофе погиб наш любимый сын, ему было всего 26 лет. Он навсегда оставил в наших сердцах самые чистые и теплые воспоминания о себе.

Вот так, в постоянном напряжении, душевных переживаниях и тревогах, потерях близких, проходила вся моя «безмятежная» служба.

Я всегда чувствовал поддержку семьи, друзей, коллег по службе. Со мной всегда, хоть и на расстоянии - во время служебных командировок, войсковых учений, была моя любимая боевая подруга - Галинька, жена и мать наших детей, надежная спутница всей моей жизни. В 2017 году мы отметили наш 55-летний юбилей, бриллиантовую свадьбу.

30 марта 1979 года из Центра в Особый отдел КГБ по ЛенВО пришла телеграмма: «Направить подполковника Иванова Ю.Д. в краткосрочную заграничную командировку. Иметь при себе темный костюм, пальто или плащ, шляпу или кепи, а также необходимые туалетные принадлежности».

Я полагал, что вызывают для того, чтобы обсудить вопрос о передаче на связь соответствующей службе надежного и подготовленного мною источника информации, который обучался на специфическом факультете одной из военных Академий, но я ошибся.

В Москве я встретился с коллегами из военной контрразведки и территориальных органов. Они прибыли из разных регионов страны. В тот же день нам была организованы встречи с ответ-

ственными руководителями Административного отдела ЦК и соответствующих службах КГБ.

До нас довели решение Центральный Комитета партии о направлении в Афганистан наиболее опытных сотрудников КГБ, по просьбе их правительства. Поставлены следующие задачи: изучение оперативной обстановки; оказание помощи службам безопасности страны в борьбе со спецслужбами противника и враждебными элементами внутри страны; обучение сотрудников территориальных органов и военной контрразведки методам оперативной работы и подготовке новых кадров.

4 апреля 1979 года мы на самолете прибыли в Кабул. Руководители Представительства КГБ в Афганистане радушно встретили нас, ознакомили с оперативной обстановкой и распределили по городам и провинциям страны.

Я был назначен заместителем начальника отдела Представительства КГБ в Афганистане для организации работы в Управлении военной контрразведки афганской армии.

10 апреля по заданию руководства Представительства КГБ, в связи с полученной информацией об активизации моджахедов, вылетел на вертолёте в Джелалабад для ознакомления с оперативной обстановкой, оказания помощи сотрудникам ВКР афганской дивизии по организации негласной работы в войсках и разработки планов противодействия бандформированиям.

Вечером того же дня в гарнизоне неожиданно началась беспорядочная стрельба из пулеметов и автоматов. Начальник военной контрразведки афганской дивизии помог перебраться в безопасное место и по телефону доложил в Управление безопасности страны о мятеже. Он собрал первичную информацию и установил, что командир дивизии был убит из танкового пулемета при выходе из штаба. Мятеж возглавили офицеры комендантской роты.

Через день в Джелалабад прибыл начальник генштаба афганской армии Якуб. Он подавил мятеж с помощью танкового батальона. Командир дивизии был его другом.

Якуб приказал построить личный состав дивизии и в их присутствии лично расстрелял более 120 мятежников комендантской роты. Рожки к автомату Калашникова Якубу подавал его личный адъютант.

Эти события дали представление о реальном положении дел в афганской армии и обстановке в стране. Я так подробно рассказал о своих первых впечатлениях, так как в дальнейшем, с подобны-

ми проблемами неоднократно приходилось сталкиваться в других афганских воинских гарнизонах. Для выяснения причин таких явлений, оказания помощи сотрудникам афганской контрразведки в расследовании и выработки мер противодействия, приходилось неоднократно вылетать на вертолётах в воинские гарнизоны, дислоцированные в городах Гардез, Хост, Герат, Баграм, Газни и др.

Я с юности отцом гордился,
Наказ его служить Отчизне выполнял.
Стал офицером я - чекистом,
Направлен был в Афганистан.
Он испытывал меня на прочность,
Проверил качества мои
На смелость, волю, точность.
Я никогда не пасовал,
Наказ отцовский выполнял.
Служить достойно, предано народу,
Честь офицерскую беречь.
Афганистан оставил память о войне,
Осколок, который меня ранил.
Вернулся я домой с израненной душой.
Обиду в сердце не таил,
Не сетовал ни на судьбу и Бога,
Готов служить Отечеству всегда,
Ведь это есть профессия моя –
Защита рубежей страны Священной!

Для того чтобы не тревожить семью, из Афганистана я писал домой, через посольскую почту, бодрые и поддерживающие письма, о природе, местных обычаях, высылал красивые открытки и небольшие подарки, с тем, чтобы дома были уверены, что я нахожусь в безопасности, в Кабуле.

Осенью 1980 году, при выполнении боевой задачи в провинции Газни БТР, в котором находился я и четыре члена экипажа, подорвался на mine. Все были контужены и

получили некоторые увечья. На вертолёте меня доставили в Кабул, в больницу Посольства. Мои письма из клиники домой, как и прежде, были позитивными, бодрыми.

Через три недели в больничной палате, где я лежал, неожиданно появилась моя жена – Галина. Я был удивлен и поражен, так как никому, кроме руководства, не было известно о полученной мною травме.

Галя рассказала, что сердцем почувствовала, что со мной произошла какая то беда. Позвонила в Москву, куратору МИДа по Афганистану, где на неё в 1979 году был оформлен дипломатический паспорт.

Она попросила разрешения на вылет в Кабул, так как беспокоится о состоянии здоровья мужа. Ей ответили отказом, просили не беспокоиться, так как никакой информации из Кабула обо мне к ним не поступало.

В связи с осложнением оперативной обстановки в Афганистане, руководством КГБ было принято решение о запрете вылета в Кабул членам семей.

Галя проявила настойчивость, попросила сотрудника МИДа позвонить в посольство в Кабул и уточнить, где находится её муж и всё ли с ним в порядке. Через несколько часов к ней поступил звонок из МИДа о том, что вылет разрешен.

В Кабуле, на аэродроме, её встретил мой руководитель, начальник отдела Представительства КГБ по ВКР Марейчев А.А., он сказал Гале, что тревожиться не стоит, так как я уже восстановился и прохожу курс реабилитации в больнице посольства.

Так завершилась моя служба в Афганистане. Через несколько дней мы вернулись на Родину, в Ленинград.

После возвращения из Афганистана я получил неожиданное предложение о переводе в территориальные органы КГБ и дал согласие. В марте 1982 года был назначен начальником Выборгского городского отдела УКГБ СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области. За достигнутые положительные результаты работы отдела, был награжден медалью «За трудовое отличие».

Завершил службу в 1988 году по выслуге лет и болезни.

Более подробные материалы о службе в Афганистане, непосредственном участии в штурме Дворца народов «Ханэе Хальк», в разоблачении в Кабульском военном гарнизоне 9-ти агентов Пакистанской разведки и о других событиях, мною изложены в книге «Чекисты Ленинграда в Афганистане».

Ивженко Владимир Маркович

Родился в 1934 году в Ленинграде. Окончил спецшколу КГБ. Майор в отставке.

Я знаю о войне

Я знаю о войне не понаслышке:
Ее огонь коснулся детских глаз,
Запомнилась пылающая крыша
И образ той, которой нет средь нас.

Еще я помню тень того осколка,
Упавшего буквально в двух шагах.
За что и почему страданий столько
Пришлось нести нам на своих плечах?

Я повзрослел, и стайкой звонкой дети,
Как колокольчик, радуют семью,
Чтоб жили в мире – мы теперь в ответе
За всех детей, за сына, дочь свою.

Когда я вижу крошки хлеба...

Когда я вижу крошки хлеба,
Что остаются на столе,
Как признак сытого обеда
И лучшей жизни на Земле,

То вспоминаю сорок первый,
С ним слово грозное «ВОЙНА!»,
Отчизны подвиг ежедневный,
Ее героев имена.

Кольцо голодное блокады
Сжимало горло много дней,
Суровый холод, артснаряды
Косили тысячи людей.

Нам хлеба явно не хватало,
И бомбы падали, как град,
Но были мы сильней металла:
Ведь каждый знал, что он солдат.

На Соляном теперь, в музее
Дней обороны Ленинграда,
Есть экспонат для обозренья:
Кусочек хлеба – суррогата.

И не скрывая слез, порою
Сюда идут, чтоб посмотреть,
Как воевал народ с ордою,
Шел, презирая даже смерть.

Так берегите крошки хлеба,
Как дань защитникам страны,
Пусть жизнь цветет под мирным небом,
Чтоб больше не было войны!

Матери

Какая гордость быть солдатом,
Солдатом Родины своей,
И с верным другом автоматом
Оберегать покой людей.

Оберегать расцвет Державы,
Отчизну милую свою,
Служить, как требуют Уставы,
Учиться побеждать в бою.

Родная мать, я оправдаю
Доверье Родины моей,
Твоих седин не запятнаю:
Я дал присягу! Верен ей!

Ты не спеши

Мы перед смертью все равны:
Полковник, рядовой ...
Сыны и дочери страны
Уходят на покой.

Кто честно жил, кто воровал -
Неравный будет счет:
Кто жизнь за Родину отдал,
Кто жил лишь только за расчет.

Кто брал в разведке «языка»,
Ведя свой смертный бой,
Прицел - не дрогнула рука,
Долг выполняя свой.

Да, перед смертью все равны,
Но это не секрет,
Что жить мы честно все должны,
А предавать же, нет!

И побеждая сто преград,
А может, и не сто,
Мы попадаем в рай иль ад?
Ты не спеши ...Постой!

Ильин Виктор Николаевич

Родился в деревне в Омской области в 1949 году.

Окончил Омский институт инженеров железнодорожного транспорта.

Подполковник в отставке.

Воспоминания о Ленинграде

Я белые ночи люблю Ленинграда,
Они к нам приходят, как божья награда.
Поют соловьи, распускаются листья,
Но в сердце шевелится что-то от грусти...

Сентябрь, фашисты у стен Ленинграда,
С востока Нева стала немцам преградой.
Замкнулось кольцо, вот начало блокады,
И не смолкает греметь канонада.

Лишь тени людей по улицам бродят.
Сердца ленинградцев стучат в унисон,
И силы прожить ещё день все ж находят,
К фашистам никто не идет на поклон.

Враг думал, придется нам сразу же сдаться,
Как было в Париже, Варшаве и Праге.
Но ошибались, за жизнь стали драться,
В любую погоду – при солнце и мраке.

Невинные люди погибли в блокаде,
А город сражался, и враг был разбит...
Редуют ряды стариков на параде,
Но внуки в колоннах всех тех, кто убит.

Уж 75 как в войне победили,
Но подвигов наших отцов не забыли.
Мы помним балтийских безусых матросов,
Ушедших в бессмертие через торосы.

«Пятачок», у врага вызывающий страх,
Откуда возили их в черных гробах.
Солдат, уходящих на Пулковку в ночь,
Там гибли в бою, чтоб спасти и помочь.

В цехах пацаны заменяли рабочих,
Ковали Победу при свете и ночью.
По Ладоге хлеб попадал в Ленинград,
Несмотря на обстрелы, мороз, снегопад.

Да, многих защитников похоронили,
Но дух Победителей мы сохранили!
Пусть нынче нам вызов бросают враги,
Им можем напомнить про наши штыки.

Российская Армия и славный наш Флот,
Границы надёжно страны бережёт.
Прикажут - ударим, как в годы былые,
Напомним победы свои фронтовые.

Враг будет разбит, дело правое с нами,
И никогда мы не будем рабами!

Карпекин Сергей Васильевич

Родился в 1947 году в Ленинграде.

Окончил Ленинградский военно-механический институт.

Ветеран Афганской войны. Полковник в отставке.

Воинам - афганцам

Вот подошли мы к юбилейной дате...
Уж двадцать пять, как кончилась война!
Как далеко Афганистан на карте,
Но как близки нам эти времена!

Преодолев невзгоды и лишения,
Не говорить, не вижу я причин:
То было время дерзостных свершений,
И настоящая работа для мужчин!

В воспоминаньях вехи нашей службы.
Мы выполнили долг перед страной!
Афганистан – начало нашей дружбы,
Там каждый братом был, как брат родной...

Не раз бывало: в высохшей пустыне,
В пыли афганской, в грохоте брони –
Казалось, будто мы не на чужбине...
И виден блеск ручья в березовой тени.

Мы сокрушаемся, что скорость нарастает
Потока дней, спрессованных в года,
И то, что наши даты отмеряют
Столетия четвертями – иногда.

Всегда так было: время быстротечно!
У многих головы покрылись серебром,
И покидают нас друзья навечно,
С кем много раз сидели за столом...

Клиндухова Людмила Павловна

Родилась в 1954 году в Приморском крае.

Окончила Дальневосточный государственный университет.

Капитан в отставке.

Посвящается отцу, ветерану войны.

Отец, расскажи мне о прошлой войне.
Ты многое пережил, чудом лишь выжил.
Два года на фронте - срок долгий вполне,
В нем целая жизнь навсегда уложилась.

Вернись своей памятью в годы войны
И снова встань в строй, во Второй Белорусский ...
И вот уже вновь среди ночной тишины
Идешь ты в разведку тропинкою узкой ...

Как ты воевал, говорят ордена,
Медали блестят ярче майского света!
А что пережил, подтвердит седина -
Безмолвная, злая рассказчица эта.

Ты мало со мной говорил о войне,
А коль говорил, то совсем без геройства.
И только теперь открываются мне
Душа и характер скромнейшего свойства!

Война для тебя была тяжким трудом,
Ты справился с ним, победил в страшной бойне.
А мне остается лишь помнить о том
И вечно стремиться тебя быть достойной!

Кошелев Павел Константинович

Родился в 1952 году в п. Назия Ленинградской области.

Окончил юридический факультет ЛГУ. Подполковник в отставке.

Наш советский характер

У советских – собственная гордость:

на буржуев смотрим свысока...

В.В.Маяковский

«Характер – советский!» – под таким заголовком публиковались газетные статьи, описывавшие трудовые подвиги или героические поступки граждан СССР времени нашей молодости. Такой заголовок мог быть у статьи, посвященной, например, подвигу сотрудника ГАИ, подставившего свой мотоцикл под прямой удар грузовика, управлявшегося пьяным водителем, чтобы защитить автобус, в котором детей везли на отдых в пионерский лагерь.

Под таким названием могла выйти газетная публикация, в которой описывался подвиг юноши, боровшегося с лесным пожаром и лично спасшим из огня малолетних детей. А может, в таком газетном очерке рассказывалось, как истекающий кровью пограничник продолжал в горах Памира преследовать нарушителя государственной границы и, преодолевая боль от серьезной раны, задержал вражеского лазутчика. Много, очень много примеров такого поведения, подтверждающего «советский характер» у людей, живших в СССР в 60-е – 80-е годы прошлого века, можно было бы привести.

Откуда же в нас брались эти качества? Этот непреодолимый и неоспоримый Патриотизм, ничуть не похожий на самоуверенное американское превосходство, французское чванство и китайскую иступленность тех лет? Да все оттуда же... От молока и колыбельных песен наших матерей. От рассказанных бабушками сказок (дедушек, выживших после революции и войн, у нас было очень мало). От революционных и военных песен, звучавших по радио и из уличных репродукторов. От генетического осознания того, что Наша Страна, МЫ победили в самой страшной из всех войн в истории человечества. Что наша армия, наша партия, наш народ непобедимы!!!

Возможно, кто-то из нынешних «демократов», ненавидящих все советское (а, значит, я убежден, и российское), скажет, что это была заслуга советской пропаганды. Да. Не буду спорить. Наверное, это так. Но я отвечу этим людям, паразитирующим на ранах и язвах России: значит, было что пропагандировать! Ведь если бы не было примеров ярких, смелых поступков, беззаветной предан-

ности Родине и людям, ее населяющим, то нечего бы было пропагандировать. Не было бы для этой пропаганды поводов и жизненных примеров.

Мне очень трудно передать словами, как, каким образом входил в наши детские души этот Патриотизм. Ведь, как я уже сказал, до 1965 года Победа в Великой Отечественной войне особенно ярко и празднично не отмечалась. Даже песню «Вставай, страна огромная» на потрясающую музыку А. Александрова с гениально-проникновенными стихами В. Лебедева-Кумача не очень-то часто исполняли. А ведь у меня и моих сверстников от исполнения этой песни всегда мурашки по коже. Ну, а при первых же тактах знаменитого марша «Прощание славянки» у нас до сих пор влажнеют глаза, и сводит скулы.

Может, наши тонкие детские души трогали военные песни в исполнении кумира 50-х – 60-х годов певца и актера Марка Бернеса? «Темная ночь» из любимейшего военного фильма «Два бойца». Как просто и как проникновенно она звучала! Ну, а появившаяся в конце 50-х песня на стихи поэта-фронтовика Евгения Винокурова на музыку еще совсем молодого композитора Андрея Эшпая «Москвичи»? Казалось бы, Марк Бернес, сам прошедший Великую Отечественную войну, пел о тех, кто жил в нашем дворе, но... не дожил до Победы. О тех, кто не может радоваться жизни и счастьем мирного труда:

«В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой.
Сереекка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни, в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленный
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино;
Девчонки – их подруги –
Все замужем давно.

Но помнит мир спасенный,
Мир вечный, мир живой,
Сережку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой».

Я не смог удержаться и привел текст этой песни полностью. Может, для того, чтобы молодые, никогда не слышавшие этой песни и не читавшие стихов поэтов-фронтовиков, могли прикоснуться к удивительно простому, незатейливому, обнаженному нерву этой поэзии. А, может, для себя самого, для того, чтобы настроиться на волну своих воспоминаний. Ведь когда из соседского окна с патефонной пластинки звучал чуть глуховатый, но очень глубокий голос Бернеса, эта боль за погибших, эта гордость за наших отцов-победителей, казалось, входила через слух, через воздух, в наше сердце, в нашу кровь, в нашу голову, в нашу душу.

Поэтому без тени сомнения, со всей гордостью за моего отца и мать, за всех свои сверстников, за себя, я читал на сцене нашего заводского клуба стихи, опубликованные в журнале «Пионер»:

«В колонне яркой паренек
Средь праздника идет.
И красный маленький флажок
В своей руке несет.
А рядом с ним, чеканя шаг,
Идет отец-герой.
Он тоже держит красный флаг,
Но только флаг большой.
У этих флагов цвет один.
В одном строю отец и сын!»

Не помню фамилии поэта. Да это и не имеет значения. Ведь эти строки вряд ли можно отнести к вершинам поэтического искусства. Но патриотическая идея, Идеология в них огромная! Дети идут в одном строю с отцами под одним флагом. Преемственность поколений была одной из главных идеологических тем советского агитпропа. Нужно и можно ли это сравнивать с нашей современностью, когда в музее-квартире большевика С.М. Кирова,

любимца простых ленинградцев довоенного времени, моим сыновьям (1994 г.р.) закладывают в голову современные «продвинутые» экскурсоводы мысль о том, что пионеры «оболванивались советской властью» и были «тупыми винтиками совдеповской системы»?

Как, каким образом собирается «наша» партия (естественно, «Единая Россия») строить будущее страны, когда телевидение и так называемая «свободная» пресса вбивает клин между поколениями Отцов и Детей, идеологически разъединяя народы и даже семьи. Нет, я понимаю, что это делают не руководители думских фракций. Но ведь они позволяют это делать телевидению, ставшему в наши дни не только средством «массовой дезинформации», но и почти в прямом смысле слова одним из видов «оружия массового поражения».

Помню, как где-то в 2001-2002 году я доказывал одному высокопоставленному «думцу» (хочется сказать по-другому – «думак»), что показ по одному из центральных каналов телевидения 9 мая американского боевика «Самолет президента» является настоящей «идеологической диверсией», издевательством над ветеранами и памятью погибших в Великой Отечественной войне. Видеть по российскому телевидению, как американский президент (актер Харрисон Форд) «мочит» в своем самолете ублюдков из числа русских террористов, убивающих мирных заложников, было просто противно и... обидно! Спасибо той же «Единой России» за то, что последние три-четыре года на 9 мая стали вновь показывать старые советские военные фильмы. Но где же издания поэзии времен Великой Отечественной? Ведь это страшное военное испытание для народа и страны породило удивительную поэтическую лирику, настоящую, искреннюю, не ложную патетику!

Где же переиздания романов и повестей писателей-фронтовиков: Константина Симонова, Владимира Карпова, Василя Быкова, Юрия Бондарева, Георгия Бакланова, Бориса Васильева и многих других? Молчит «Единая Россия»... Не дает ответа...

Несомненно, что в воспитании характера Моего Поколения сыграло огромную роль «важнейшее из искусств» (слова В.И. Ленина) – кино. О роли кино 50-х – 60-х годов я уже рассказал. А здесь, пытаясь объяснить понятие «характер советский», я хочу привести пример лишь одного-единственного кинофильма, который, ни на минуту не сомневаюсь, оказал огромное влияние и на меня, и на моих сверстников.

Это кинофильм «Судьба барабанщика» по повести Аркадия Гайдара, вышедший на экраны в 1956 году. Я, кажется, просмотрел его в детстве не менее десяти раз. Больше, наверное, я смотрел лишь «Чапаева» и «Мы из Кронштадта». Простая, но без нравочений история жизни двенадцатилетнего Сергея Баташова, пионера, ставшего старшим барабанщиком школы и прошедшего через такие испытания, как обман, клевета, измена, не могла не тронуть наши детские сердца.

Действие фильма происходило накануне войны. Сын красноармейцев, героев Гражданской войны, Сережа очень дружит со своим отцом, который все свои силы и знания отдает работе на оборонном заводе. Мать Сережи умерла, когда ему было только шесть лет, и в доме появилась мачеха: красивая, но холодная и эгоистичная Валентина. С первых минут фильма мы видим искреннюю душевную близость Сережи со своим отцом, с которым он ходит в походы, поет военные песни. А для мачехи Валентины важнее всего благоустроенный быт и преимущество отдельной квартиры в центре Москвы.

Да, режиссер этого черно-белого фильма не очень-то утруждает себя передачей нюансов и полутонов в обрисовке героев киноповести. Он использует, как правило, два цвета: черный и белый. Но... таковым было веяние того времени. Нам, послевоенным мальчишкам и девчонкам было не до психологических тонкостей. Мы знали и понимали, что мир делится на две части: на «наших» и «немцев» («ненаших»).

Сюжет фильма «закручивался» очень быстро: жена Сережиного отца, Валентина, имеет любовника, о чем узнает Сергей, но из благородства ничего об этом не рассказывает отцу. И эта «мачеха Валентина», говоря сегодняшним языком, «подставляет» своего мужа и Сережиного отца, честного, порядочного человека, бывшего командира Красной Армии. Валентина выбрасывает пакет с совершенно секретным документом, потому что отец Сергея случайно вложил в него любовную записку жены. Пусть Валентина делает это не по злему умыслу, а лишь желая скрыть свои прегрешения. Эти действия приводят к цепи драматических событий: в один день Сергея на торжественной линейке в школе назначают старшим барабанщиком школы, а его отца арестовывают за утрату совершенно секретных документов. Ну, а с этого момента фильм начинает развиваться в жанре приключенческого детектива. Уже через полгода после ареста отца Валентина приводит в дом своего любовника и

вскоре уезжает с ним на курорт на Черное море, оставляя на Сергея квартиру. И тут завертелось...

Мы, мальчишки и девчонки, сидевшие в тесном зале заводского клуба ЛМПЗ, кажется, даже кричали Сергею, чтобы он не доверял жулику и хулигану Юрке, который в считанные дни «выудил» у Сережи-барабанщика почти все деньги. Мы пытались «предупредить», чтобы Сергей не связывался с плохой компанией подростков, курившей папиросы, пившей пиво и воровавшей из карманов прохожих деньги. Как натурально, пусть и в черно-белых красках была снята сцена в городском парке культуры и отдыха, где Сергея спаивают и крадут у него остатки денег, а также тот самый запечатанный сургучом секретный пакет, который нашла и вернула дворничиха. А дальше... Дальше в квартире Сережи Баташова появляется «дядя Вася», якобы брат Валентины, который на самом деле (мы, зрители, понимаем это сразу!) оказывается... шпионом! Сергей попадает в сети «дяди Васи» и странного «старика Якова», не догадываясь о том, какие люди «опекают» его, используя в своих целях.

О, как переживали мы за Сережу-барабанщика, видя, как его «втемную» втягивают в авантюру с попыткой похитить государственные секреты научной разработки инженера Грачковского, ротного запевалы в красноармейском отряде Баташова-старшего. Мы видим, понимаем, что пистолет «браунинг», запертый в столе любовника Валентины и захваченный в Киев «дядей Васей», обязательно должен сыграть в этой драме свою роль.

С каким волнением и трепетанием бились наши сердца, когда мы видели, как Сережа, засунув за пояс пистолет с гравировкой «Беляеву за отличную стрельбу», лез по развалинам, чтобы перекрыть дорогу к отступлению шпиону «дяде Васе» и бандиту «старика Якову». В эти минуты по-особому звучала маршевая музыка композитора Льва Шварца, напоминая военную песню, которую Сергей пел со своим отцом:

«Бьют барабаны, гремят барабаны,
Зовут барабаны в поход.
Горною кручей на бой неминучий
Красный отряд идет!»

Мы даже не успевали подумать, умел ли двенадцатилетний Сергей стрелять из пистолета, когда он приказал своим врагам остановиться, выстрелил в старика Якова и в ответ получил пулю в грудь от «дяди Васи». И мы ликovali, видя, как скручивают под-

лого и мерзкого «дядю Васю» сотрудники НКВД, уже окружившие усадьбу, где скрывались шпионы. А как сжимались наши сердца, когда в следующем кадре выкатывали из операционной на каталке израненного Сережу. Как становилось легко на сердце, когда в финале фильма к больному Сереже приходил сын инженера Грачковского, выжившего после удара ножом бандита Якова, а следом за ним Сергея обнимал его отец, освобожденный из несправедливого заключения. И как замечательно звучат финальные слова Сережи Баташова (опять же под музыку «Бьют барабаны»...), обнимающего своего отца: «Как хорошо с тобой, папа!»

Если разобрать весь кинофильм и книгу Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика», (которую, чаще всего читали уже после просмотра фильма), то ее дидактика лежала на поверхности. Но насколько важным, нужным было воспитательное значение этого кинофильма для нас, мальчишек и юношей! Честность, смелость, преданность идеям и подвигам своих отцов – вот те качества, которые этот кинофильм воспитывал в нас, в его зрителях, которым он и был адресован. Совсем не случайно этот кинофильм в прокате 1956 года просмотрели 25,7 миллиона человек!

Зачем я потратил столько времени и сил на рассказ о, казалось бы, рядовом кинофильме того времени? Ну, прежде всего чтобы напомнить моим сверстникам сюжет этой памятной многим из нас кинокартины. А также, возможно, для современной молодежи. Ведь сейчас DVD диск этого фильма появился в продаже. Приобретите этот кинофильм, посмотрите его, молодые! Задумайтесь над тем, что волновало ваших предков, на каких примерах и на каких произведениях киноискусства воспитывались ваши деды!!!

Тема Отцов и Детей, конфликта поколений всегда была одной из главных в классической русской и советской литературе. В 50-е годы прошлого века я могу вспомнить еще, пожалуй, два сильных, местами просто пронзительных кинофильма, где эта тема глубоко и высокохудожественно раскрывалась: «Два Федора» (с молодым Василием Шукшиным в главной роли) и «Судьба человека» Сергея Бондарчука, где он был и режиссером, и блистательным исполнителем роли солдата Андрея Соколова, прошедшего фашистский концлагерь, потерявшего семью и усыновившего мальчишку-сироту. Таким же приемным отцом стал для сироты Федора и герой Шукшина.

Почему в те годы снимались такие фильмы? На них был социальный заказ? Нет. Эти фильмы отвечали запросам и интересам

зрителей? Да. Режиссеры и сценаристы, разрабатывая эти темы, проводили «воспитательную» работу по отношению к подросткам по заданию Коммунистической партии? Нет. Зрители вольно или невольно впитывали в себя те нравственные ценности, которые отстаивали главные герои этих фильмов? Да.

Нужно ли после этого как-то дополнительно разъяснять и разжевывать, почему мои сверстники росли и становились патриотами своей страны, великого и могучего Союза Советских Социалистических Республик, про которых в те годы коротко можно было сказать: «Характер – советский»?

Эхо великой войны

*И людей будем долго делить на своих и врагов.
Владимир Высоцкий*

*Пусть наши дети играют в войну,
Зачем их за это ругать, не пойму?
Пусть лучше не знают войны настоящей.*

Из юношеских стихов автора (1967)

Мое Поколение по праву можно считать поколением «детей Великой Победы». Даже те наши родители, которые по своему возрасту не успели примерить на себя гимнастерки и бушлаты солдат и матросов Великой Отечественной, в полной мере испытали на себе все тяготы и лишения военного лихолетья. Мой отец, хотя не был на передовой, но с гордостью носил на кителе медаль «За боевые заслуги» и орден Красной Звезды. Отец моего школьного друга и соседа по улице Ленина в нашем рабочем поселке Геннадия Никандрова в войну был подростком. Но я навсегда запомнил дядю Сашу очень молчаливым, рано поседевшим человеком. Уже где-то в старших классах я узнал от Геннадия, что его отец жил в деревне под Киришами, которая была оккупирована фашистами, и он видел, как фашисты «ни за что ни про что» могли убить простых крестьян, сам испытал на своей спине удар кованного немецкого сапога.

У каждого из наших родителей были свои военные (фронтовые и тыловые) истории. Но мы, как и положено, видимо, молодым, были часто непростительно нелюбопытны. Поэтому подавляющее большинство моих сверстников лишь в общих чертах знает жизнь наших родственников военного времени. Да, пожалуй, надо признать, что у наших родителей не очень-то было принято «распро-

страняться» на тему войны среди своих сверстников. Воевали все. И фронт, и тыл. А нам, своим детям, рожденным в послевоенные годы, родители желали одного: чтобы мы никогда не узнали военных тягот. И вообще, до 1965 года, когда отмечался 20-летний Юбилей Победы, я не припоминаю каких-то особых пафосных мероприятий, посвященных войне. Хотя митинги у обелиска на месте так называемого «Ивановского пяточка» проводились каждое 9 Мая, и участвовать в них считалось святой обязанностью для всех жителей поселка.

Мои школьные друзья росли, в прямом смысле этого слова в районе боевых действий. Огромная территория за рекой Тосной до железнодорожных станций Саперная и Понтонная долгие годы на нашем мальчишеском сленге называлась «поле боя». На этом поле боя в конце 50-х – начале 60- годов еще можно было найти много военных трофеев. Ведь вся земля вдоль реки Тосна была усеяна смертоносным металлом. Поэтому полуржавые винтовки, пистолеты и автоматы были не редкостью. А сколько патронов, из которых мы старались добыть столь привлекательный для пацанов порох, отбирались у мальчишек нашими мамашами и топились в выгребных ямах поселковых общественных туалетов! Этих патронов и даже гранат могло хватить на несколько дней оборонительных боев!

К сожалению, случались и трагедии... Еще где-то в 1958 году, за год до школы, жизни двух наших поселковых мальчишек унесло «эхо войны». Принеся с собой с Ивановского пяточка два снаряда, группа мальчишек на берегу реки Святки неподалеку от железнодорожного моста разожгла костер, и кто-то решил бросить в костер снаряды, посмотреть, что будет... Что бывает в таких случаях мы, пацаны, и весь рабочий поселок увидели и узнали «во всех цветах и красках». Двух мальчишек разорвало осколками снаряда в ключья, один остался безногим инвалидом, четвертый чудом остался жив.

Долго вспоминал об этом случае и Генка Никандров, правда, предпочитая говорить тихо, чтобы не услышали и не узнали родители. Он тоже был среди тех, кто разводил костер. Но, на его счастье, на мачтопропиточном заводе загудел гудок, сообщавший об обеденном перерыве. Генка бегом побежал в свой дом номер пять по улице Ленина, чтобы на керогазе разогреть своему отцу щи, приготовленные матерью на обед. Это и спасло его от трагедии.

Уже в 1964 году мой сверстник Володя Дубинин (1953 г. рожд.) во время игры «в войну» получил пулю в сердце от своего сосе-

да Юрки Пушкарева (1951 г. рожд.), откопавшего где-то еще пригодный для стрельбы немецкий автомат. И патронов-то в нем было только два... Первый патрон, как говорили очевидцы, дал осечку, а вот второй стал для тихого, скромного и доброго Володи роковым... «Дурак ты, Юрка», – только и успел сказать Володя, который не очень любил играть в войну и не сделал ни Юрке, никому другому ничего плохого. Эта смерть, нелепая и трагичная, надломилась семью Дубининых. Запил после смерти сына-первенца Володькин отец и через несколько лет по-глупому ушел из жизни, замерзнув, будучи пьяным, в канаве на подходе к своему дому. Я хорошо помню, как убивалась, старела на глазах Володькина мама, превращалась в замкнутое, испуганное существо его маленькая сестренка.

А мы, мальчишки, несмотря на эти трагедии, где-то до 13 – 14 лет просто обожали играть «в войну». В «наших и немцев». Причем именно в войну, а не в «войнушку», как стали говорить уже где-то в 70-е годы. И в этих играх, мы все хотели быть «нашими». Конечно, никто не хотел ни играть, ни тем более быть «немцем». Ведь в кинофильмах тех лет, таких как «Орленок», «Бессмертный гарнизон», «Малахов курган», «Молодая гвардия», «Отряд Трубачева сражается», почти всегда немцы показывались в самом негативном, отвратительном свете. А «наши» солдаты, партизаны, подпольщики всегда были образцом героизма, стойкости и верности Родине. В наших школах в виде наглядной агитации размещались портреты и биографии пионеров-героев, многие из которых сражались с фашистами и даже погибли смертью храбрых за свободу и независимость нашей Родины: Валя Котик, Марат Казей, Леня Голиков, Петр Клыпа. Эти имена и фамилии уже почти пятьдесят лет помню я, и, уверен, помнят мои сверстники во многих уголках России.

Мы бегали в атаки, защищали свои «Брестские крепости», вооруженные чаще всего деревянными автоматами, которые иногда нам помогали изготавливать наши отцы. Зачастую нашим оружием были просто палки, которые мы «воображали» автоматами или винтовками. Выстрелы мы имитировали голосом: «Та-та-та-та-та-та-та...» - это автомат или пулемет. «Бах-бах-бах-бах», – это выстрелы из пистолета. «У-у-у-хх!» – это разрыв гранаты или снаряда. Мы учились, нет, мы почти все умели красиво падать, имитируя из себя раненых или убитых, часто подражая кадрам из увиденных кинофильмов. А когда мы хотели «ожить», чтобы вновь продолжить атаку, надо было просто сказать: «Чик-трак». Тогда

снова можно было продолжать воевать за Родину. «За Сталина» мы уже не кричали. Ведь все наши игры «в войну» были после XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности Иосифа Виссарионовича. В новых фильмах о войне, вышедших в те годы, практически ничего не говорилось о Верховном главнокомандующем. Хотя наши отцы до хрипоты, а порой и до рукопашных схваток спорили о Сталине и его роли в Великой Отечественной войне. Но об этом, я расскажу подробнее в другой главе моих воспоминаний.

Играя в войну задолго до организованной ЦК ВЛКСМ военно-патриотической игры «Зарница», мы, практически, делали себе «прививку» патриотизма и интернационализма, которая помогла многим представителям Моего Поколения пройти через Мозамбик, Анголу, Афганистан, а затем и Чечню. У нас не было, не могло быть никакой, даже малой толики сомнений в благородстве военной службы. Многие наши одноклассники носили рубашки защитного цвета с погончиками, доставшиеся им от отцов-офицеров. А тот, кто имел возможность во время игры в войну надеть на себя китель, да еще с погонами, несомненно, мог претендовать на роль командира и часто громко кричал, когда мы бежали в атаку: «Командиров не обгонять!»

Уже, будучи школьниками, мы с чувством пели новые военные песни: «Хотят ли русские войны? Спросите вы у тишины»; «Подем вдоль берега крутого, мимо хат. // В серой шинели рядового шел солдат...»; «Светилась, падая, ракета, а вместе с ней горел закат. // Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят...»; «В полях за Вислой сонной лежат в земле сырой// Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой.». Мы заслушивались военными песнями в исполнении наших отцов и матерей, которые звучали во дворах под музыку баянов и гармошек, а также старых осипших патефонов: «Ночь коротка, спят облака.// И лежит у меня на ладони незнакомая ваша рука»; «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага»; «Строчит пулеметчик за синий платочек, что был на плечах дорогих». И, конечно же, продирающая до костей песня «Священная война» на стихи В. Лебедева-Кумача:

«Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною, с проклятою ордой!
Пусть ярость благородная вскипает, как волна.
Идет война народная, священная война!».

Особо популярной у нас в Ленинграде и в Ленинградской области была песня на стихи фронтовика Павла Шубина «Волховская застольная»:

«Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось:
Выпьем, как принято,
Вспомним, как водится,
Как на Руси повелось.

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто замерзал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло, ломая врагу.

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Дрался на Ладогe, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг!

Будут в веках всенародно прославлены
Под пулеметной пургой:
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки под Мгой!».

Эта песня была любимой в моей семье. Мама Фая замечательно ее пела. Может, потому, что прорыв и снятие блокады Ленинграда были частью ее судьбы? Может, поэтому, когда мне приходится петь эту песню, я уже много лет явственно представляю и вспоминаю Отца, Мать, Няню. И не могу, не умею сдержать слёз, когда поются строки:

«Пусть вместе с нами семья ленинградская
Дружно сидит у стола.
Вспомним, как русская сила солдатская
Немцев за Тихвин гнала.
Встанем и чокнемся кружками стоя мы
В братстве друзей боевых.
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых!».

О, как мне хочется услышать эту песню в исполнении наших внуков! Хочется верить в то, что они смогут ощутить сердечность, глубину и пафос этих незатейливых, но проникающих в самое сердце слов. Я мечтаю о том, чтобы не была забыта эта песня, чтобы была она подхвачена новыми поколениями, новыми детьми России, которым уже совсем-совсем не нужно играть в «наших» и «немцев», но, если они хотят оставаться свободными россиянами, нужно обязательно помнить, знать и уметь петь песни своих отцов и дедов...

Завершая эту главу, я хочу привести слова песни, которая исполнялась уже в конце 70-х годов одним из популярных вокально-инструментальных ансамблей:

«Рисуют мальчики войну.
Рисуют танки и «катюши».
Висят во всю листа длину
Снаряды, желтые, как груши.

Благодарю свою страну
И тех, кто пал в последнем шаге,
Что наши мальчики войну
Узнали только на бумаге».

Думаю, что тысячи моих ровесников, в подавляющем большинстве уже ставших бабушками и дедушками, мечтали бы услышать подобную песню в исполнении своих внуков и их ровесников.

Морозов Евгений Анатольевич

Родился в 1951 году в Ленинграде.

Окончил Академию химической защиты. Подполковник в отставке.

Они давно вошли в бессмертие

Они давно вошли в бессмертие,
Гранит, бетон и на скрижаль,
Времен двадцатого столетия.
Вдали от гнезд родных лежат
В лесах, полях и на околицах
Забывших богом деревень,
Над ними тихо травы клонятся
И рассветает новый день.
О них поныне кто-то молится
Из лет послевоенных ... тех...
Чье сердце горечью неволится
Средь шумных праздничных утех.
И у детей солдатских в памяти,
Как отболевшие рубцы,
Калеки в орденах останутся -
С войны пришедшие отцы.
Изголодавшиеся матери,
Поры военной детвора,
До смерти – крошки в рот со скатерти,
А не под ноги со стола.

У монумента «Памятник затопленным кораблям»

Как слез невольных не пролить
У скал, где, не вступая в бой,
Ушли в пучину корабли,
Россию, заслонив собой.
Под пеплом времени те дни
И подвиг крепости святой,
Но как колен не преклонить,
Где севастопольский прибор!?
Где и в последнюю войну
Немало крови пролилось,
Здесь шли под танки и ко дну,
Кому враг дома – в горле кость.
Истерзан в битве, город пал

Так и не сломленный врагом,
Прибой погибнувших качал,
Гарь висла в воздухе морском.
Но их товарищи назад
Вернулись с боем поутру,
Спустя два года... Прах солдат
В земле, а город весь в цвету.

Месяц май шагает по стране

Месяц май шагает по стране
И, как в старь, парадом греет душу,
За России мощь не стыдно мне
И отрадно шаг чеканный слышать.
За мою советскую страну
Я готов был жертвовать собою,
Нынче за чужой дворец рискнуть
Даром кто согласен головою!?
И таскать каштаны из огня
За живущих в неге толстосумов!
Пусть для пушек ищут без меня
Подневольных пасынков фортуны.
Бой – не на плацу маршировать
Лихо за хорошую зарплату,
Не дай бог придется воевать,
А не по брусчатке бряцать в латах!
Встанет ли Россия на дыбы
И теперь, как в грозном сорок первом,
За свои исконные столпы
Жизни, а не пришлые химеры!
Мнимой демократии фантом,
Полубеспредельная свобода...
Пели в девяностых не о том
В уши распахнувшему народу.
Правит балом золотой телец,
Попраны и совесть, и законы.
Неимуший труженик в загоне
Где же справедливость наконец!?

Романов Анатолий Иванович

Родился в 1944 году в Ленинграде.

Окончил Московский авиационный технологический институт.

Полковник в отставке.

900 дней

Блокада-эпоха, Блокада-понятие,
Блокада – железное смерти объятие.
И всё же мы жили, врага проклиная,
Скупую слезою горе встречая.
Голодные, слабые, духом не павшие,
Наш Ленинград фашистам не сдавшие.
Вмёрзшие в землю преградою встали,
Братским могилам мы память отдали.
Себя не делили на бедных, богатых.
Мы были любимой отчизны солдат
Под танки бросались, тонули на Ладоге,
Седьмою симфонией рвали мы надолбы,
Рвали зубами, рубили лопатами.
За всё заплатили мы жертвами святыми.
И слава героев, на камнях распятая
В вечность вошла словами понятными:
«Никто не забыт и ничто не забыто».
Свобода потомкам кровью добыта.

Ленинградцы

Я родился в Ленинграде,
Шел не первый год войны.
Без еды, тепла – в блокаде
Город бил врагов страны.
Было страшно – фронт у дома,
Мирным жертвам нет числа.
Вой сирен, удары метронома
Болью резали сердца.
Сотни дней в подвалах тесных,
Под огнем снарядных стрел,
Мечтали люди о чудесных -
Счастливых днях любимых дел.
Ленинградцы не сдавались,
Своею смертью смерть поправ,
В атаки яростно бросались,

В кулак народный волю сжав.
В победу верили, творили,
Детей блокадных берегли
В неравных схватках победили,
В бессмертье подвигом вошли!

Победа

Победа-это радость,
Победа-это слёзы,
Победа – наша гордость,
Сбывшиеся грёзы.
Победа-это Родина,
Победа – наша мать.
Её в сраженьях праведных
В огне пришлось ковать.
Зимой и в пору знойную,
В безумии войны,
Стояли люди насмерть,
Спасая честь страны.
Всё было. Это правда.
Сдавали города,
Не всех детей и женщин
Уберегли тогда.
Нам жертвы не оплакать,
Вину с себя не снять.
Не мог народ великий
Насилье воспринять.
Стеной живою встали,
Мать Родина звала.
И немцы побежали
От русского штыка.
Уже Берлин повержен,
Победных залпов гром.
В сердцах мы будем помнить,
Всех, спасших отчий дом!

9 Мая

Победа – свобода живым.
Победа – бессмертие павшим.
Мы память в сердцах храним,
О людях, жизни за нас отдавших.

Память поколений

Бесценна жизнь человека,
Она наполнена мечтой -
Любить, страдать, желать успеха,
Быть преданным стране родной.
Но если тучи небеса затянут,
И враг нам будет угрожать,
От мала, до велика люди встанут
Свободу Родины спасать.
Была война, и горе всех коснулось.
В Победу верили в суровые года.
Она пришла, и лица улыгнулись,
Героев врезав в память навсегда.
Пусть время пулей пролетает,
Но подвиг поколений не умрет.
Страна живет и побеждает,
Пока живет её народ!

Имена на обелисках

(памяти подводника Петра Прохоренко)

Героев многих имена
Не значатся на обелисках.
Людская память их хранит сполна
В своих небесных списках.
Народ сражался за семью,
За дом, любимую Отчизну,
Склоняю голову, и честь им отдаю,
Сыновний долг несу до тризны.
Сегодня, отмечая юбилей,
Я, молча, вспоминаю детство:
Родную мать, что воспитала сыновей
И жизнь отца, мое духовное наследство.
Моряк-подводник, командир
В суровых северных широтах
Погиб за Родину, за мир,
Исполнив долг, свою работу.
И вот спустя десятки лет
Я воплотил заветное желание:
На волны моря опустил букет,
Воздав погибшим почести в молчании.

Пусть знают люди в наши дни
О подвигах земных героев.
Отдали жизнь за нас они,
Себя в бессмертии построив.

Дорогами героев

Сегодня мы, ровесники Победы
Склоняем головы у памятных могил.
Здесь прах героев отразивших беды,
В сраженьях праведных за мир.
На скромном обелиске имя
Анюты Костиной разведчицы, бойца.
Ее судьбой владело только время,
Когда война терзала мирные сердца.
Девчонке жизнь отмерила семнадцать,
Но чувства гордости, любовь к стране
Давали силы над врагом подняться
И сжечь его в пылающем огне.
Как Аня, добровольцев было много.
На фронт стремились, скрыв года.
Отбор в разведку вёлся строго
Опасность рядом и всегда.
Одна в тылу и без оружия,
Маршруты только в голове
И мысль одна, что надо сдюжить,
Узнать как можно больше о враге.
В морозы лютые без сна и хлеба,
Десятки километров истоптав,
В мечтах о синем мирном небе
Считала фрицев численный состав.
Народ боролся за свободу,
За жизнь близких грудью встал,
Но знают все – в семье не без урода,
Предатель Анну немцам сдал.
Но смерть героев не напрасна,
Она к Победе привела.
Их жизнь безвременно угасла,
Их подвигом жива страна.

Город славы

Город под иглой адмиралтейской
Окно в Европу грудью прорубал.
Ни слова нет о нем в писаниях библейских,
В боях с врагом он сам историю писал.
Народом славен этот город,
Гранитом рек и золотом дворцов.
Нельзя забыть погибших, голод,
Ушедших на войну отцов.
Сегодня мы в поклоне скорбном
Стоим среди рядов могил,
Здесь те лежат в молчанье гордом,
Кто славу Ленинграда защитил!

Память о прошлом

Память о прошлом нам сил прибавляет
Чувства души, как нерв оголяет,
Сердце огнём старины обжигает,
Холодным умом её сохраняет.
Но память себя лишь тем доверяет,
Кто любит людей
И страну защищает!

Имена в вечности

Родину и мать не выбирают.
Они с рождения в сердцах детей.
За их свободу, счастье погибают,
Но память о героях нас делает сильней.
Их имена вписались в вечность
Гранитом, мрамором, простым крестом.
Они все с нами, сохраняют человечность,
Соединяя поколения мостом.
Почетный караул мемориалов –
Дань памяти потомков и друзей,
Погибших подвиги не описать словами,
Безмерна благодарность всех людей

России просторы

России просторы, луга и поля,
Росою искрятся, сердце щемя.
Деревни, пригорки, реки, леса
Предков твоих земля, небеса.
Помни их жизнь, детям скажи
Сила семьи в благородстве души.
Чистая совесть, честь и любовь
Основы успеха, грядущего новь.

Ветеранам

Как быстро время пролетело,
Оставив след в делах, судьбе.
Но сердце биться всё хотело,
Храня огонь души в себе.
Нам память зримо воскрешает
Улыбки радости, печаль утрат.
Свои страницы жизнь листает,
С друзьями каждой встрече рад.
У ветеранов будни сжаты,
Единством, дружбой дорожим,
Общением, добротой богаты
С народом мы страну храним.

Сын России

Тихо песня льётся над полями,
Наполняя душу до краёв.
Я не узник за семью замками,
Но я раб её волшебных слов.
Что-то в них заветное, родное,
Каждый русский может уловить.
И просторов даль, веселье удалое,
Голос матери, который не забыть.
Это Русь с глазами синих плёсов,
В белых платьях стройненьких берез.
Я твой сын, Россия – потомок Россов.
Любовь к тебе я с детства в сердце нёс!

Верность долгу

Служил Отечеству на совесть,
Не ради званий и наград.
Не прогибался, не злословил,
С людьми дружил, общенью рад.
Страна жила и развивалась,
Судьбой повязан крепко с ней,
Возможность каждому давалась
Быть и сильнее, и умней.
И это чувство равноправья,
Нет, не в богатстве, а в делах,
Давала сила пониманья
Борьбы за счастье, не за страх.

Полёт Земли

Полёт Земли нам годы отмеряет,
Наполненные радостью и злом.
В одной стране детей заботой окружают,
В другой их убивают варварски штыком.
Безумцев много в этом разном мире
И жажда власти их свела с ума,
На каждого живого есть по mine,
На хлеб голодному пуста сума.
Что их слова о равенстве, свободе,
О праве человека и страны,
Вломившись в дом, приносят горе
И нож вонзают в сердце со спины.
Восстаньте люди, расправьте плечи шире!
Остановите варварства часы.
Земля у нас одна, одна в безумном мире,
Пусть будет вечна свежесть утренней росы!

Осень Беслана

Это было не с нами,
Это было в Беслане,
Стиснув зубы, следила страна,
Там, в безумном угаре
Бандитские твари
Живые терзали сердца.
Это было всё с нами,
Это было в Беслане.

Мир раскололся на после и до,
А слёзы печали и крики отчаянья
Уже не могли спасти никого.
Теперь в вышине,
На небесных просторах,
Они обрели последний приют.
Ангелы-дети невидимым хором
Нам песню оттуда поют.
И взор, в синеву обращённый с надеждой
Лики любимых будет искать,
А на земле руки матери нежной
Камни могильные тихо ласкать.
Пусть память и памятник,
Скорбь, разделяя,
Сближают людей, творящих добро,
Во имя любви и небесного рая,
Во имя души, отвергающей зло!

Защитникам Отечества

У нас отечество одно.
Оно и в шрамах, и в победах.
Живём и любим мы его,
Как наши прадеды и деды.
Служить народу каждый рад,
Присягу мы на верность дали.
Не ради золота наград
Страну от недругов спасали.
Пусть всё не просто на верхах,
Быть государственным трудно.
Изгои пляшут на костях,
Судить их надо и прилюдно.
И наша сила – не слова,
Но созиданье и служенье,
С народом вместе и тогда
Страна вернёт весны цветенье!

Ивану Алексеевичу Артюхину

Капитан ранга первого,
Вспомни гром канонад.
За идею сражались мы,
А не ради наград.
Впереди лейтенантов,
Раздирая покой,
Мыслью бил «дилетантов»,
Мы гордились тобой.
Было тяжело порою,
Но не прерван полёт,
Живые вышли из боя,
Вновь готовы вперёд.
Передышки не знали
И себя до конца,
Как лимон выжимали
Ради дела венца.
А в беседах на равных
Ты всегда понимал.
Наши беды и чувства.
Как свои принимал.
В бури буден, и штили
Свято верил всегда.
Лейтенанты готовы
Долг отдать до конца!

Александру Петровичу Корсакову

Волны моря отмечены вечностью,
То ласкают, то бьют берега.
Так и в жизни земной, человеческой
Много радости есть и зла.
Ты прошёл сквозь грусть одиночества,
Познал голод, лишения, войну.
И не верил в гадалок пророчества,
Верил в жизнь, в неё лишь одну.
Эта вера сил добавляла,
Не давала черстветь душе,
Свято хрупкость её охраняла
И в ответ улыбалась тебе.
Годы сами собой плюсятся,

На плечах их уже шестьдесят.
Пока сердце о людях волнуется,
Они юности чувства хранят!

Александру Борисовичу Родионову

Десятилетий череда
Работы будни и успехи.
Себе и жизни скажем да!
Полезных дел, расставив вехи.
Пусть этот кладезь доброты,
Души мятущейся раздумья,
Тобой без спешки, суеты
Оберегался от безумья.
Как трудно и сейчас порой
От конъюнктуры ускользать умело,
И с чистой совестью идти домой,
Смотреть в глаза потомкам смело.

Николаю Михайловичу Калугину

Жизнь дана как дар!
По ней идет своей тропею каждый.
Познания путь подвластен лишь годам,
Но для тебя любой из них был самым важным.
Житейский опыт, результатов счет
Все закаляло и с людьми сближало.
В Афганистане день за год
На мир смотреть с изнанки заставляло.
Твои награды – воспоминаний вспышки.
За ними то, что душу шрамами изрыло.
Друзей тепло было не лишним,
Домой из долгих лет чужбины возвратило.
Теперь при деле и в почете,
Награды, званья, ты в полете.
И мы с тобою – сослуживцы и друзья
Наш тост за здоровье, дружбу, за тебя!

Вячеславу Викторовичу Бредневу

Осенний лист слетает с ветки,
Тропинки золотом горят.
С природой наши встречи редки,
Но так прекрасен листопад.

Ты любишь это время года,
Открытость взвешенных речей.
Заботы, чаянья народа
В душе прописаны твоей.
Понятие честь тебе родное,
Рука протянута к друзьям.
Не знает жизнь твоя покоя
И это дорого всем нам!

Владимиру Сергеевичу Гусеву

Жизнь у нас одна, она неповторима,
Как важно в ней оставить добрый след.
Ты Родине служил надежно, зримо,
Душой, вплетаясь в сумму лет.
Прошли года, но ветераны не стареют.
Ты снова командир «седых бойцов».
Храним мы свято память поколений,
Любовь к России, традиции отцов.

Олегу Петровичу Аксенову

Шаг за шагом по жизни идём,
Впереди ещё много свершений.
Наша родина – отчий дом
И нетленная связь поколений.
Пусть улыбка на лица сойдет
И не в тягость года прожитые,
Это счастье стремиться в полет,
Не считая себя пожилыми.

Владимиру Николаевичу Груздеву

Мудрость приходит с годами,
Бережно к ним относясь.
Слава красива делами,
Мужеством с другом делясь.
В жизни познал ты не мало,
С совестью честно дружил,
Людям, Родине, маме,
Верный присяге служил!

Станиславский Сергей Юрьевич

Родился в 1952 году в Ленинграде. Окончил спецшколу КГБ. Майор в отставке.

Родина

Родина! Что это значит?
Это твоя семья!
Это друзья – товарищи!
Это родная земля!
Помним дедов-ветеранов, что спасли тебя,
В священных войнах жизни не щадя,
Нам Победу передали в руки, завещали ее беречь,
Мы приняли дар со словами: Верность, Любовь и Честь!
Мы не бежали на Запад за долларом или рублем,
А павших своих товарищей в землю родную кладем.
Здоровья Вам, ветераны! Крепче держитесь в строю.
Родину на поруганье не отдадим врагу!
Клянусь – не покину строя, клянусь, если грянет гроза,
Родину сердцем закроем! Это клятва моя!
Верю, что время настанет, будет цвести страна.
Родина, вера, надежда в наших сердцах навсегда!

Суслова Юлия Александровна

*Родилась в 1963 году в Севастополе. Окончила
Ленинградский государственный университет. Капитан в отставке.*

Севастополь

Закрываю глаза-
И стоит предо мною мой город.
В белом камне дома,
И акаций хмельной аромат.
Закрываю глаза –
Ты по-прежнему строен и молод
И по форме одет
В облегающий черный бушлат.
Закрываю глаза
И бегу по Приморскому к морю-
Графской пристани львы,
К вашим гривам прильну я щекой...
Ты вернулся домой,
В свою гавань, хлебнувшую горя.
Я вернулась к тебе,
Мой прославленный город-герой.

Тимошенко Александр Александрович

Родился в 1948 году в Ленинграде.

Окончил Ленинградский государственный университет. Полковник в отставке.

Мать

Как много не сказанных слов
Ей хотелось сказать на рассвете,
Когда он ушел на войну,
На прощанье махнув ей рукой.
С тех пор пролетели года.
К матерям возвратились их дети.
Но так уж случилось зачем-то,
Что он не вернулся домой.

И рядом, за городом в поле,
Где летом колышутся травы,
А с холодом падают листья
И в землю вмерзают ручьи,
Стоит обелиск со звездой -
Простое свидетельство славы.
Здесь спят безымянно солдаты,
Здесь шли за победу бои.

Она, хоть уже как былинка,
В воскресные утра упрямо
Приходит сюда, к обелиску,
И шепчет: «Сыночек родной...»
И, будто сквозь время разлуки,
Ей слышится нежное: «Мама!...»
Но это, конечно же, ветер
Шумит застарелой листвою.

Все смолкнет, как будто всегда
Все таким же и было на свете,
И сын ее словно не падал,
Уткнувшись в бурьян головой.
Война отгремела давно.
К матерям возвратились их дети.
Но так уж случилось зачем-то,
Что он не вернулся домой.

СПИЧКА

Рассказ

Дождь лил не переставая уже несколько часов, и конца ему пока было не видно.

Сергей, в который раз подходил к окну, протирал рукавом свитера запотевшее стекло, зябко ежился. В щели тянуло сквозняком, а совсем рядом, на расстоянии узкого, в ладонь, карниза, колыхалась шевелящаяся, точно живая, сплошная стена воды. По стеклам хлестало брызгами, струились мутные потеки. Тщетно силясь разглядеть хоть что-нибудь, Сергей вжимался лбом в раму, но вместе с запахом сырости к нему приходило только ощущение глухого, залитого водой безлюдного пространства вокруг.

Было полутемно, серо – как в сумерках, несмотря на два часа дня. Иногда вспыхивала молния, высвечивая неподалеку хмурые силуэты елей и сосен. Следом накатывал, раскалывая наверху что-то огромное, гром, отчего вздрагивали хлипкие переплеты рамы.

Искоса Сергей нет-нет, да и бросал взгляд в сторону жены. Она по-прежнему сидела на кровати, подобрав под себя ноги, плотно укутанная в старый шерстяной плед. На коленях у нее, поверх пледа, лежала раскрытая книга, а сбоку, на тумбочке, горела допотопная настольная лампа с гнутой пружинной ножкой и низко опущенным черным железным колпаком. Лампа ничем не помогала общему немощному освещению комнаты – под невысоким потолком уныло трепетал желтизной шестидесятисвечевой пластиковый светильник, – но зато бросала резко очерченный яркий круг на книгу. В этом ярком пятне было видно, что за последние четверть часа книга не перелистывалась – красная картонная закладка, как лежала поперек страниц, так и лежит.

Конечно, Елена и не думает читать. Думает о другом. Наверняка о том же, о чем и он.

А он, Сергей, думает, что умерший четыре дня назад, в среду утром, отец Елены, Виктор Алексеевич, то есть его, Сергея, тесть, хоть и перестал быть на этом свете, но продолжает держать их обоих в изнуряющем напряжении, в котором с завидным хладнокровием держал все последнее время. Собственно, не просто время, а все последние годы их надрывной, какой-то иступленной, как карабканье вверх по камням, жизни, больше похожей на борьбу за жизнь.

Далась ему эта квартира! Утащил с собой в могилу! Сколько они с Еленой предлагали: давай, дед, смениться, твоя однокомнатная у Черной речки и наша двухкомнатная на Разъезжей – вот и получатся апартаменты с видом на залив. Ведь и о внуках надо подумать, об Алексее с Машей, твои ведь внуки!.. Сначала отмахивался прозрачной ладошкой – хочу, мол, пожить в родных стенах, откуда ушла навечно Мария Валентиновна. Добавлял обещающе: успеется, умирать не собираюсь... На крючке держал.

Потом обрушились реформы, пошел передел собственности, все переменялось – бери что хочешь, если не может взять другой. За грудки трясли его: приватизируй! Наследники ведь есть! Уперся, как танк: хапать? В шабаше этом? Государство еще разберется, возьмет за цугундер! Развальщикам за грабеж отольется!.. А сам нахохленный, зрачки как крапинки, кадык ходит ходуном на курячем горле, жилка на виске вот-вот порвется.

Додргался – неделю назад разбил инсульт. Паралич. Потеря речи. На больничной белизне был как нарисованный. Врачи констатировали: все, уже ни на что не реагирует. Когда Сергей и Елена сидели у его подушки, у Сергея словно хрустнуло в голове: пятнадцать тысяч долларов! В пшик! Ведь ему не заработать их за всю жизнь. И двор-колодец, и Разъезжая – вечный удел... Рывком наклонился к тестю, схватил за костлявое жалкое плечо, зло и отчаянно выдохнул с криком: «Ну что, доволен, дед? Обобрал внуков! До нитки!»

У Виктора Алексеевича расширились глаза. Они оставались неподвижны, но Сергей и Елена поняли, что он смотрит на них обоих одновременно, видит, пытается что-то выразить, но не может. Потом зрачки из крапинок расплылись в темную глубину, эта глубина вдруг слабо шевельнулась, и ее подернула чуть уловимая тусклота... Старик, стало быть, смотрел на них, запоминая до последнего мига!

С Еленой потряслась настоящая истерика. Да и он был сам не свой: не по-людски вышло. А кто виноват?

Сегодня с утра она ни о чем с ним не разговаривала – не могла отойти от вчерашних похорон. Единственно, когда чуть свет проснулись, потребовала: едем на дачу! И дома после этого находиться невмоготу, и на даче надо разобрать отцовские вещи. Да и дачу надо подготовить к сдаче в трест, получал ее отец как участник и инвалид войны, сами они на нее прав не имеют.

Слова о правах на дачу укололи. Впрочем, для того и произносились. Елена всегда принимала сторону отца, даже не щадя его, Сергея, самолюбие. Прошлогодним летом он с тестем несколько дней жил вдвоем на даче. Однажды проснулся от пронизывающего холода. Спал на веранде, на раскладушке. Открыл глаза: пар изо рта, зуб на зуб не попадает. Кинулся в теплоту дома, а там храпел старик. Раскинулся на спине, разъяв дырявый рот. На тумбочке в граненом стакане с водой покоились вставные челюсти – полупрозрачные, по-младенчески розовые, с нежным как парное мясо небом. Сергея едва не стошнило. Стакан обычно стоял на столе в кухне, и все из него пили колодцевую воду, наливая ковшиком. Сергей после этого стал пользоваться железной кружкой, не мог себя переусилить. А Елена, когда он ей рассказал об увиденном, еще и накинулась на него: мол, он с самого начала невзлюбил ее отца и только ищет повод, чтоб сказать про него гадость. Лучше бы сказал спасибо, что живут на его даче!

Когда уже ехали из города в электричке, она в очередной раз бросила ему в лицо: «Ты, ты загнал отца в могилу! Ты никогда не любил его! Тебе всегда было на него наплевать! Да и на других тоже!» Отвернулась, как отгородилась стенкой, стала смотреть в окно. Электричка бежала ходко. Вагон пружинил на стыках. У Елены, которая сидела напротив, закинув полные ноги одну на другую, в такт покачивалась черная замшевая туфля с позолоченной пряжкой. Жена? А такая холодная, чужая.

Мимо проносился осенний пейзаж – сосновые и еловые леса в разбросанных повсюду красных, желтых, багряно-лиловых пятнах, которые под косым предзимним солнцем казались акварельными на фоне густо-маслянистой зелени хвои. Изредка то там, то сям мелькали в удалении фигурки людей, больше похожие на точки, – копошились на черных квадратах пустых огородов, виднелись вблизи сараев, колодцев, оград. Глядя на них, Сергей подумал: они с Еленой, хоть и сидят лицом к лицу, тоже сейчас как эти точки – отдаленные, неясные.

А почему? Да потому, что заела собачья жизнь! Спросил ли его кто-нибудь, как там у тебя, математика-программиста железной дороги, на работе-то? Эйнштейн бы охренел и не поверил. Клерк вычисляет графики перемещения сотен поездов во времени и пространстве! Тех, которые есть в расписании – пассажирских, товарных, электричек, проходных. И тех, что вновь сформированы на «горках». Он же дает «окна» для ремонта путей, а для опаздываю-

ших находит возможность нагнать расписание... Вынь да положь! Каждый день! При том, что вагонный и локомотивный парк за десять лет износился наполовину, составы сыпятся на ходу, а расписания исподтишка «скукоживаются». При том, что люди все меньше летают на самолетах – кстати, и летать-то боятся! – и больше едут по «железке»: пустеет в карманах-то! А главное – куда все катится? Как инженер он видит: дальше – обвал, катастрофы.

Сергей подумал, что закурил бы сейчас, если б вообще курил. Ушел бы в тамбур и задымил там. Происходит трагическое. Он сам замечает – раньше хотелось сделать, изобрести, совершить. А сейчас даже читать стал меньше. Не тянет. В мозг вцепилось: деньги! А жена – на полставки в институте и дети к дипломам только подступают... Домой приходит выжатый за свои три тысячи деревянных в месяц! И кому на кого наплевать, если уж на то пошло!

За окном разорванная линия леса еще несколько секунд открывала оголенное поле, обрамленные чахлым кустарником и мелкими болотцами опушки березовых рощ и между ними скорбный осенний сельский быт, и Сергей, окидывая его напоследок отстраненным, хотя и любопытным взором, успел сделать сравнение: а ведь далеким, неясным был для него и тесть – тоже как точка в пробегающем далеке.

Что он, в сущности, знает о нем? Был мальчишкой. Юношей. Учился в довоенном техникуме. Потом во втузе при Харьковском тракторном заводе. Потом пошел, когда бросили клич, в танковое училище и в войну был танкистом... А про человеческое его житье-бытье? Про сокровенное? Ничего. Все время – суета, спешка... А тот не любил выплескивать... Заспорили как-то с Еленой – был на Курской дуге? Она: был. А он: нет, вроде как раз после ранения находился на переформировании. Потом остыли и даже про это спросить не удосужились. Теперь не у кого. Ушел поезд!

На станции, где они вышли из электрички, Сергея поразило безлюдье. Семь-восемь человек вытряхнулись на перрон, спустились в разные стороны и как-то сразу растворились по близлежащим дорожкам и тропинкам.

Осенью они не приезжали на дачу года четыре, дед обитал здесь в одиночестве. Озираясь по сторонам, выбрали путь покороче – самими задворками.

Грунтовка была пустынная. Ни души. Шли молча. Как в пустоте, без эха каркали невидимые вороны. Белесоватое солнце слепило

глаза, а сзади, из-за зазубренных вершин леса, выдвигались иссиня-черные тучи. Судя по охвату неба, они двигались сразу от Приозерска и Выборга, то есть с Ладоги и Финского залива одновременно, двигались медленно, как бы неуклонно нависая над всем, что под ними, и в этой нависающей медлительности копилась необычная для осени гроза.

Поселок казался вымершим. Еще недавно напичканный госдачами, сейчас он являл собой запустение. Домики в большинстве необитаемы, окна без стекол или заколочены, газовые баллоны из железных уличных шкафов вырваны, вокруг – свалка. Сергею даже показалось, что Елена в какой-то момент придвинулась ближе, пока они проходили эту разруху.

Миновали бывший пансионат для ветеранов. Деревянное строение обветшало. Забора нет – вероятно, «местные» разнесли на топку. Дорожки исчезли – в сорняковой траве, в бурьяне, в лопухах. Пристроенная к корпусу котельная мертвела серо-бетонной глыбой, увенчанная бездыханной трубой, как крематорий. Зато вдалеке, на другой стороне поселка, откупленной под частные владения, – холмистой и поближе к заливу – даже отсюда отчетливо видны сквозь осыпавшуюся рощицу краснокирпичные «новорусские» особняки, одетые, как в панцири, в багровую металлическую черепицу, – уступами ломают уже сейчас тесное для них пространство, громоздятся над трестовскими халупами и всей нищенской окрестностью подобно замкам сюзеренов над вассальной территорией. Вспомнилось: ничто никуда не исчезает, а только перетекает из одного в другое.

На перекрестке дорогу им преградила стая бродячих собак. Их было около двух десятков – голодные, кожа да кости, и, главное, все бывшие домашние. У большинства на шеях болтались ошейники или остатки таковых. Сергей, оценивая опасность, сразу углядел боксера с висячими, не купированными, ушами, рослого добермана и двух терьеров – черного и фокса. Особенно выделялся вожак – большая взлохмаченная, видно давно брошенная, овчарка с широкой грудью и оскаленными крупными клыками. Глаза ее горели ненавистью.

Углядел он и другое: роли в стае были явно распределены. Мелкие беснуются, захлебываются лаем, напуская страх. Средние угрожающе рычат, окружая. Крупные выбирают момент, чтобы напасть.

Он понял, что все решает вожак. «Как в банде, - подумал он, - они сбились в банду. Люди ожесточили их, предали. Теперь они мстят!» Он подхватил жену под руку – у нее подкосились ноги – приказал металлическим голосом: «Иди и не оглядывайся!» – точно зная, что стоит оглянуться – и разорвут. А сам поднял с дороги обломок кирпича и в упор посмотрел вожаку в глаза.

Вожак выдержал взгляд и, похоже, оценил свою жизнь в жизнь человека с кирпичом в руке. Он остался недвижим. Стая не сорвалась.

Сергей с Еленой свернули за угол, и только там он выпустил кирпич в канаву из онемевших пальцев, с удивлением косясь на жену. Как ни велика была опасность, но даже она не сблизилась Елену с ним – после случившегося жена не сказала ему ни слова.

Дача встретила их холодным застоявшимся воздухом. Елена опустила устало на колченогий стул:

- Принеси дров – растопить печку, тут как в погребке. И воды из колодца.

Пока она прикидывала, за что приниматься, Сергей подхватил ведро, спустился во двор. Все вокруг уже переменялось. Солнца нет и в помине. В воздухе зависла незримая тяжесть. Не слышно птиц. Задувал шквалистый ветер. С веток срывало листья, гнало ворохом по земле.

Из-под тяжелой, обросшей плесенью крышки на срубе колодца в лицо пахнуло студеностью и влагой. Внизу, словно паря без опоры в пространстве, неподвижно, как приклеенный к пустоте, распластался желтый лист. Не сразу-то и понял – это так почернело небо, не отражаемое зеркалом колодца. Когда понес в дом, чуть расплескивая, полные ведра, на голову упали первые капли.

В сарае он замешкался. Поленицы теснились в потолок. Второпях стал вытаскивать одинаковые увесистые чурки прямо из середины – кладка накренилась, с грохотом посыпалась на пол. Чертыхаясь, начал подбирать поленья. Накидал на обе руки, прижимая подбородком. И едва ступил на крыльцо, под навес, как за спиной упал ливень.

Сейчас, глядя сквозь стекло на непрекращающийся потоп, который сразу стер весь зримый мир за окном, как компьютер картинку на мониторе, Сергей ловил себя на том, что теряет ощущение реальности. Ему все больше казалось, что не осенний, будто с цепи сорвавшийся, ливень ополчился на твердь и прилепленный к ней

ленточным фундаментом щитовой домишко, а именно этот домишко за грехи обитателей погружен на дно некоего гигантского аквариума, куда заливается и заливается вода. Он даже представил себе мысленно – как утопленные на самом дне – колодец, рядом с ним сарай, рядом же домик с теплящимися слабой желтизной оконцами, а за этими оконцами – молчаливых себя и Елену.

Скрипнули пружины кровати. Краем глаза ухватил – Елена переменила позу, поправив сползающий с плеч плед. Теперь она повернулась еще больше боком, чуть ли не спиной. В комнате в самом деле, сыро и холодно. Но накинутым на плечи пледом, раскрытой на одной и той же странице книгой, а теперь еще и не самой удобной для чтения позой она попросту отгораживается от него. Он вспомнил, каким уничтожающим взглядом она смерила его с головы до ног, когда он сложил в печке дрова, соорудил из сухой коры и скомканной газеты растопку, а потом беспомощно обхлопал все карманы, обыскал плиту, кухонный подоконник, стол, обшарил комнату, веранду в поисках спичек и нигде не нашел их, обнаружив только высохший, пустой, никому не нужный спичечный коробок. Вспомнил, как она проговорила: «С тобой только и ездить на дачу! Что ты вообще можешь!» Последняя фраза для него была равносильна словам: «А вот отец бы смог!» – которые, слава богу, она не произнесла.

Но мысли его все равно перескочили на другое. С десяток лет назад Виктор Алексеевич купил в «Военторге» чешские армейские полуботинки. Принес с гордостью. Ботинки остро пахли натуральной кожей, по краям легкую подошву обегал узенький рант. Коричневые, с резиновыми вставками вместо шнурков, они имели модно удлиненные носы и выглядели модельными, но казались на щуплом тесте большими, чем надо. «Полковничьи!» – похвастался он, расхаживая в них перед зятем и дочерью. Сергей искренне вслух усомнился: не велики ли? И тут же прикусил язык, ведь тесть дослужился только до подполковника; получилось: по Сеньке ли шапка? Старик зло зыркнул, но сразу хохотнул, задрал штанину на бледной сухой ноге и прищурился на Сергея: «У меня нога мужицкая, ... Как и все остальное... Не то, что у некоторых!»

Не ущипни его тогда Елена в ладонь – стерпи! стерпи! – он бы, может, и не смолчал: надоели комариные укусы. Но она щипнула, и он лишь подумал: сам сморчок, а дочку сотворил для Рубенса... Старик же вскоре повторил наскок. Под новогоднюю, еще трезвую, рюмку говоря, сквозь трескотню, разноголосицу телящика,

про Машу да Алешку – «Бледные они у вас какие-то, светятся насквозь, все время хочется отправить в санаторий! – буркнул в глаза Сергею не по-доброму: «Вы их что, пальцем на стекле рисовали, что ли?»»

Вообще-то старик уходил из жизни капризно. Не в смысле, что мучил стенаниями или к нему прилепились хвори. Нет, обузой ни в чем не был. И свой копеечный быт тянул сам. Даже дачу получал он – за то, что горел в танке и потом остался без легкого. А вот душа его маялась. Считал, что с ним обошлись несправедливо: занимал полковничью должность, уже были посланы документы на соответствующее звание, но попал под хрущевское сокращение армии. В один миг оказался за бортом жизни – армия была для него все. Однако этой обиды как не бывало, стоило заговорить про реформы. Как из вулкана, вырывалось с пеной у рта: его поколение страну строило, защищало, а их – рваческое, пустое – сдало на расправу «пятой колонне», развалило и продолжает растаскивать по кирпичику! Зрочки его, все более выцветавшие по-стариковски, мгновенно суживались в точки, под конец стали такими повседневно.

Посмертная душа старика явно присутствовала – это она давала о себе знать. Из-за него они оказались в аквариуме, в тюрьме, в ловушке. Для чего?

Снаружи по-прежнему стоял тяжелый, давящий гул, от которого, как в самолете, закладывало уши и который перекрывал все прочие шумы и звуки, даже грохот дождя по железной крыше. Сентябрь выдался дождливым, лило без устали. Наверняка старик, живя здесь один, вот так же часами смотрел в окно, вглядываясь в серую водяную толщу и видя только собственное отражение в стекле. И хотя в промежутках между атаками дождей белый свет предстал ему в размерах настенной картины – с раскисшей проселочной дорогой и мокрым замшелым ельником за обочиной, с колодцем да сараем за пожухлым цветником в самой глубине как бы обугленного опустелого участка – его влекло сюда неистребимо, и он не тяготился одиночеством. Про колодец, еще финского происхождения, к которому не столь давно с ведрами и бидонами стекалась вся округа, он говорил: «Только на нем и держусь. Живой!» А сарай был чинен его собственными руками, им же добротнo укреплен, крыт рубероидом и шифером от протечек.

Откуда взялась эта мысль, Сергей не задумался, только в голове мелькнуло: будь жив Виктор Алексеевич, ни сарай, ни колодец

не остались бы в грозу нараспашку! Их не захлестывало бы сейчас ливневыми потоками с грязью!

Сорвался с места. Сам, удивляясь суете рук своих, вытащил из-за печки – с пылью, с паутиной – резиновые сапоги тестя. Виктор Алексеевич засовывал их на просушку в простенок, там они и остались. Сапоги налезли легко, показались даже свободными. Про себя отметил: не соврал дед! нога-а! В кухне, сдернув с гвоздя, втиснулся в вечный, еще с военных лет, безразмерный прорезиненный дедовский дождевик с капюшоном и, не оглядываясь на недоуменный взгляд жены, толкнул плечом дверь, вышагнул на крыльцо.

Что было вокруг – вода, холод, ветер, безжизненное пространство или все вместе и что-то еще, он до конца не понял – он попросту задохнулся. На ощупь, разъезжаясь сапогами по жидкой грязи, добрался, как водолаз по морскому дну, до колодца, водворил на место скользкую створку сруба. А перед тем как запереть сарай, шагнул внутрь – отдышаться.

В сарае оказалось сухо и даже тепло. Водопад низвергался как бы потусторонне. Сумеречная теснота поленниц источала животворный березовый сладковатый дух. Машинально, натываясь впотьмах, поднял с пола несколько поленьев, из тех, что обрушились утром, втиснул наугад в кладку. Пронзила догадка: здесь у старика была отдушина! Убежище от расползающегося вокруг запустения и развала... Он часами возился в сарае или около него – пилил, тюкал топором, строгал, перекалывал с места на место, наводя строгий, как на воинском складе, порядок. Тем и жил. По своим принципам. В августе за сараем ураганом повалило старую, почти безлистую березу. Старик не один день сокрушался, а потом – добро ведь и в призоре – успел только распилить ее пополам, собирался наготовить звонких калиброванных поленец. Наготовил бы, если бы... если бы не то самое... - Ты, где был? Голос Елены прозвучал отстраненно, но в нем почудилась слабая нотка ожидания. И сама она теперь повернулась к нему, шевельнув коленями, тяжеловатую округлость которых не мог скрыть даже плед.

Он затруднился ответить сразу, где он был, из сознания еще не улетучилась мысль о том, что он случайно проник в бесхитростный секрет старика. Сказал погода: - Закрыв сарай, колодец... Заливало...

Чуть позже, перебирая вынутые из шкафа вещи Виктора Алексеевича – брюки, куртку, пиджак, рубашки, он ощутил: что-то из-

менилось. В воздухе присутствует нечто, чего еще недавно не было. Кольнула мысль: эта заношенная одежонка и есть все, что осталось от него? Перед глазами сам собой встал вчерашний момент прощания с Виктором Алексеевичем. Узкоплечий сухонький человечек с застывшим суетливым выражением лица, сморщенный, с торчащим вверх сивым пушком вместо волос на просвечивающем костлявом черепе, лежал в таком же вот кургузом пиджачишке, залатанном на одном рукаве, вызывая – несмотря на злость, отчаянье: упустил, угробил жильё! – щемящую жалость. И лишь на левой стороне груди – тщедушной, воробьиной – неподсудно и торжественно алело широкое пламя орденских планок.

Сергей приподнял, осматривая, пиджак. Не новый, но и не затертый. «Кочегару», - решил он, подумав о щуплом хромоногом работяге-инвалиде, которого так заочно называли он, жена, тесть и дети, зная еще по временам, когда тот обслуживал топившуюся пансионатскую котельную, не скупился для соседей на ведро-другое «левого уголька», а сейчас, уже не у дел, попросту жил непонятно на что с немалым своим семейством примерно в полукилометре отсюда.

И тут в боковом кармане, проверяя, нет ли чего забытого, нащупал спичку.

Старик не курил. Но спичка была. Целехонькая. Одна-единственная. Как последняя забота. Как шанс.

Держа спичку в пальцах как величайшую драгоценность, хрипло выговорил:

- Лена, смотри... Отец оставил...

Он выговорил это произвольно, как произвольно подумал про спичку то, что успел подумать. Смотрел в лицо жены, как всегда вызывающе красивое, матово-белое в обрамлении спускающихся золотистых локонов высокой прически, с ясным лбом и чувственными губами, а видел только широко раскрытые глаза, мокрые, как если бы в них набрызгали воды. И, странное дело, отчетливо понимал, что у него самого глаза сейчас точно такие же. Вечером, когда раскаленная печка уже всю отдавала жар, Сергей вышел из дома. Дождь давно перестал. С неба сдернулись последние тучи, оно засинело, стало набирать прозрачность. Через раскрытую дверь наружу вырывался прожекторный сноп света, ударял в ближайшие деревья, которые в черноте казались чашчобой. Пахло прелыми листьями, грибным мхом, мокрой сосновой корой,

еловыми иглоками. В лужу рядом с крыльцом звонко скапывала вода с крыши.

Он вспомнил тестя: «Бедный Виктор Алексеевич!» – и понял, что только сейчас истинно простился с ним. Да успокоится и примирится там, наверху, его дух. Ведь и его, Сергея, душу грызет та же тоска: нет черты развалу, падению. Все чаще аварии, сходы с рельсов, катастрофы. Подвижной состав, оборудование изнашивались. Рабочие, слесаря, механики, машинисты, сцепщики вагонов уходят. Проблема с обходчиками путей. Металл истирается, а замены ни людям, ни железу нет. Все – на волоске... Тихо в окрестностях. Он ушел, а им терзаться. Ушел неузнанный, одинокий. Неужели так же будут уходить и они с Еленой, их дети? Люди измотаны, черствеют друг к другу, замыкаются, удаляются в себя. А может не вранье, может и впрямь там, наверху, им суждено еще свидеться?

Ночью на кровати, где еще недавно беспокойно елозил и всхрапывал в своих видениях тесть, Сергей с неистовой страстью овладевал Еленой. Она отстранялась и устремлялась к нему одновременно, ослабевала и сдавливала бедра, а он лихорадочно обхватывал руками ее горячее вздрагивающее тело, тесно прижился к ней, ловил ртом ее рот.

Потом они уснули. Ему снились странные сны.

Ему приснилось, будто он в прорезиненном дедовом плаще прорывается через сплошную завесу водяной пыли, прорезаемую вспышками то ли молний, то ли разрывов, на груди у него болтается автомат ППШ и, невесомый и неосязаемый, сам собой строчит очередями в невидимую ему, Сергею, опасность. Потом ему привиделось, что он бежит по безжизненной каменистой дороге, а его с молчаливым упорством настигают, грохоча стальными латами, чудовищные монстры в образе собак, и над ним уже нависают лязгающие, раскаленные до красна железные пасти. А еще ему приснилась спичка. Она была большая, как костер. Он и Елена, обняв друг друга за плечи, сидели около нее и задумчиво глядели в ее большое пламя.

Среди ночи он проснулся. Лоб был в испарине. От накопившегося жара потрескивали обои на стенах. Реальность перемешалась с мыслимым. Что это было? Предупреждение? Бред? Или прозрение? Виктор Алексеевич как-то рассказал: под Сталинградом во время атаки видел сквозь смотровую щель в танке, как бежавшему впереди солдату-пехотинцу осколком немецкого снаряда среза-

ло половину головы. Срезало, а он еще бежал с автоматом наперевес, не мог сразу упасть. И техника действительно скоро так же будет мстить людям за то, что ее бросили, предали, как и сбившиеся в стаю дичающие собаки. А спичка – знак, поистине последний шанс.

Рядом чуть слышно дышала Елена – ровно приподнималась и опускалась вылезшая из сорочки ее грудь. В темноте слабо, как затуманенный, прорисовывался ее профиль. Что там, в глубине ее сознания? Не достучаться, не узнать.

Вокруг – на километры – стояла нерушимая тишина.

Внезапно его пронзило чувство неодолимой тревоги. Как если бы кто-то стоял сзади и смотрел в затылок.

Осторожно, чтобы не разбудить Елену, Сергей с замирающим сердцем повернулся лицом к окну и вздрогнул: через форточку с пустынного черного неба ему прямо зрачок молчаливо смотрела одинокая синяя колючая звезда.

Урюпов Сергей Олегович

Родился в 1965 году в Севастополе.

Окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета.

Подполковник в отставке.

Зенитки на Большом доме

Над парапетом крыши Южной башни
В гудронном мареве дрожат зубцы венца,
Которым город окаймлен. Он Ленинград вчерашний,
Он Петербург сейчас, но для в блокаду павших
Остался Ленинградом до конца,
Для тех, стерегших небо с Южной башни.

Я здесь стою на этой плоской крыше,
В июльском солнце ртутью искрится Нева.
Ползет огромный белый лайнер, медленно, неслышно,
Вокруг него буксиры, юркие, как мыши,
И мреют синим мохом острова.
А я смотрю на них с нагретой плоской крыши.

И почему я вижу то, что вижу?
Не лайнер, а линкор, раскрашенный под камень,
И одеяло кровель, от фосфата рыжих,
Аэростатов рой с ребристыми боками,
И храмов золото укрыто колпаками,
Разрыв снаряда! Дым! Огонь! Я это вижу, вижу!

За парапетом башни мы укрыли пушку.

- Снаряды!

- Есть!

Мне ящик не поднять,
И я несу снаряда тоненькую тушку,
Чтоб с неба самолет, его же мать!
В Неву его! Топить! Губить, карать!
Кормлю снарядами зенитную я пушку.

У парапета крыши Южной башни
Очнулся я. Окурок догорел,
Ожег мне пальцы. Кофе стынет в чашке.
Да как я увидеть такое вдруг посмел?
Я не был там, тогда... Родиться не успел.
Но я готов к защите Южной башни.

Фролов Сергей Иванович

Родился в 1938 году в селе Липецкой области.

Окончил Военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова.

Полковник медицинской службы в отставке.

С любовью к профессии

Яков Михайлович Шишкин... хирург, заслуженный врач Туркменской ССР, отдавший многие годы своей жизни службе в пограничных войсках. О нем много писалось в газетах и журналах, его снимали в кино. И заслуженно, ибо мой учитель и наставник был эталоном доброты, гуманности и человеколюбия в полном смысле этого слова. Постоянно думаю об этом человеке. Суровая, но светлая судьба Я.М.Шишкина. Сын крестьянина - бедняка, комсомолец 30-х годов, участник создания колхозов на Кубани становится рабфаковцем. Потом, когда его сверстники строили города и заводы, он носил зеленую фуражку пограничника и был врачом.

От юности до седых волос, до конца своей жизни – с медицинской сумкой в белом халате. Всю жизнь с людьми, в борьбе за их здоровье. Это было и в период Великой Отечественной войны под Мурманском и Сталинградом, и в годы службы на границе. Это было горячее время, вспоминал Яков Михайлович, - особенно доставалось в первые дни грозного 1941 года, когда воевал в Заполярье. Приходилось делать по 15-20 операций в день, эвакуировать раненых пограничников в тыл.

Я впервые встретился с Я.М.Шишкиным в 1958 году. Был я тогда фельдшером срочной службы. Предстояло проконсультировать больного у хирурга. Стучу в дверь. Получаю разрешение войти. Приятный голос и приветливая улыбка Якова Михайловича успокоили меня. Я.М.Шишкин запомнился как большой души человек всем, кто с ним общался. Среди солдат ходила крылатая фраза: «лечил сам Шишкин». В художественном фильме «За рекой граница» Шишкину предложили сниматься в роли врача-хирурга. Опытнейший хирург, который спас многие жизни в реальности испытывал волнение и стеснение и даже пытался отказаться от съемок. Но все обошлось хорошо. На просмотре ленты мы увидели привычные, уверенные действия высокого профессионала. Врачи подразделений границы звонили ему на службу, домой в любое время суток. Я.М.Шишкин забывал об усталости и отдавался решению очередной задачи – как можно быстрее оказать человеку помощь.

Обращаясь к опытному врачу-хирургу мы знали, что получим добрый совет. Шишкин всегда оказывал поддержку коллегам добрым словом и примером. Он являлся хорошим учителем, но не стеснялся учиться у других. Яков Михайлович Шишкин был удостоен многих правительственных наград, но никогда не кичился своими заслугами. Его украшали скромность, трудолюбие, отличное знание дела. Работать рядом с ним было большим счастьем. Он был профессором из самой жизни. Пограничники, его пациенты, долгие годы писали ему письма и называли «наш профессор». Шишкин всегда говорил нам: «Смелее беритесь за дело, хирургия требует решительности и любви к людям». Эти слова были для меня полны высшего смысла. Жизнь моего учителя вся без остатка была посвящена людям, нашей службе Отечеству.

Содержание

Юрий Адаменко	6
Олег Аксенов	13
Иван Артюхин	28
Светлана Вдовиченко	31
Ким Голубков	35
Николай Губар	37
Юрий Дмитриев	44
Юрий Иванов	71
Владимир Ивженко	81
Виктор Ильин	84
Сергей Карпекин	86
Людмила Клиндухова	87
Павел Кошелев	88
Евгений Морозов	101
Анатолий Романов	103
Сергей Станиславский	114
Юлия Сулова	115
Александр Тимошенко	116
Сергей Урюпов	129
Сергей Фролов	130